

С Т Е Н О Г Р А М М А

парламентских слушаний на тему "15 лет со дня введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: опыт межведомственного мониторинга реформы уголовного правосудия 2001–2003 годов"

29 июня 2017 года

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Уголовный процесс – это прежде всего время, правила, поэтому я думаю, что мы с вами, несмотря на то что некоторые наши коллеги немножко задерживаются, начнем работу.

Мы сегодня проводим парламентские слушания на тему "15 лет со дня введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: опыт межведомственного мониторинга реформы уголовного правосудия 2001–2003 годов". Совершенно очевидно, что тема чрезвычайно важная, очень интересная и касается, конечно, не только ученых, политиков и практических работников, она касается абсолютно всех людей в нашей стране, поскольку тема вообще преступности, борьбы с преступностью, противодействия преступности или наблюдения за преступностью (иногда, обсуждая эту тему, предлагают разные варианты) касается каждого человека, и правильное законодательство чрезвычайно важно.

Только что в Санкт-Петербургском университете была защита докторской диссертации по судебной ошибке. Она длилась почти пять часов, шла в прямом эфире с синхронным переводом на

иностранные языки, по новым правилам, без ВАК. Как раз мой докторант защищался, и я сидел и думал, что судебная ошибка — чрезвычайно страшное дело. Чрезвычайно! Но какая опасность лежит в ошибке законодателя, которая влечет за собой и судебные ошибки, и политические ошибки, и другие ошибки! Поэтому правильное законодательство и, самое главное, правильные принципы, заложенные в законодательстве, конечно, имеют огромное значение. И сегодня мы с вами говорим об уголовном процессе, о законодательстве, о проблемах. Были очень известные даты в истории нашей страны, касающиеся уголовного процесса, — это прежде всего 1884 год, 1917 год, 1937 год, 1961 год и 2001–2003 годы (это наше действующее сегодня уголовно-процессуальное законодательство).

В Совете Федерации несколько лет назад была создана рабочая группа, куда входили руководители правоохранительных органов и учреждений нашей страны, ведущие ученые, которая занималась вопросами уголовной политики в широком смысле слова как отношением власти к преступности по всем направлениям — уголовно-правовой, уголовно-превентивной, уголовно-розыскной, уголовно-процессуальной как одной из главных, уголовно-исполнительной и уголовно-организационной. Они все взаимосвязаны, они все дополняют друг друга, и они все чрезвычайно важны. Но уголовно-процессуальная, наверное, является самой главной и самой проблемной. И рабочей группой был сделан вывод, что в нашем законодательстве, уголовно-процессуальном прежде всего, отсутствуют или в недостаточной степени присутствуют системность, научность и стабильность. Мы недостаточно используем экспертную помощь наших ученых, зачастую они работают отдельно, а законодатель — отдельно, хотя у

нас есть экспертные советы, и они активно работают, но тем не менее. Вот практика иногда вбросов, когда вдруг появляются непонятные для нас статьи в кодексе, когда еще какие-то предложения делаются, которые подхватывают журналисты, тревожит общество. Все это, наверное, неправильно. И мы пришли к выводу, что нам нужен единый центр уголовной политики (то ли это будет совет при Президенте, то ли это будет какое-то специальное учреждение). Законодатель учтет прежде всего мнение этого центра, где будут даны очень серьезные, глубокие экспертные оценки тем предложениям, которые вносятся и которые будут соответствовать уже действующему закону, концепции закона, стратегии и так далее.

Что касается проблем уголовного процесса... Очень много мы говорили и с вами, и в разных коллективах о том, что было много споров по поводу смешения принципов российского, континентального (европейского) законодательства, с одной стороны, исторически процессуального, и англосаксонского, американского, и о том, с чем мы с вами сталкиваемся, обсуждая эти вопросы. Елена Борисовна Мизулина много об этом писала, что действительно разные точки зрения, и до сих пор мы еще не пришли к какому-то окончательному, абсолютному решению, какие принципы будут безупречными и будут уже на долгие десятилетия в основе нашего уголовного процесса. Например, принцип состязательности. По-разному воспринимают разные люди принцип состязательности: один воспринимает как "в споре рождается истина", другой воспринимает как боксерский ринг, где побеждает сильнейший по каким-то другим спортивным правилам. Поэтому все это требует дополнительного еще и еще раз обсуждения по принципу "не навреди и торопись медленно".

Очень важная проблема – предварительное следствие (мы ее сегодня тоже коснемся). Какие функции выполняет следователь? Только функцию обвинения, как сегодня, становясь, по существу, обвинителем с самого начала уголовного процесса, не выполняет три функции – обвинения, защиты и рассмотрения дела по существу, а только обвинения. Мы думали, что это будет состязательность на предварительном следствии, где, с одной стороны, следователь (обвинитель), а с другой стороны – защитник (адвокат). Но, к сожалению, не очень получается у нас состязательность в этих условиях практически в жизни, поскольку следователь чувствует себя не столько судьей в душе, сколько сыщиком, и в душе у него часто не принцип презумпции невиновности, а принцип презумпции виновности, когда он говорит: "Я обвинитель, вы как-нибудь потом защититесь, а я должен только обвинять, только собрать обвинительные доказательства". В душе он это воспринимает таким вот образом. Да еще наш особый порядок, когда он зачастую говорит обвиняемому: "Признайся и тебе будет хорошо", рассказывая ему всякие подробности дальнейшего его нахождения в местах лишения свободы и так далее. То есть все это на практике, к сожалению, сталкивается с серьезными проблемами. Поэтому первая задача – это, конечно, борьба с обвинительным уклоном. И нужно все-таки решить, кто следователь – судья, объективный, беспристрастный, или сыщик (обвинитель), который руководствуется принципом презумпции виновности.

Что касается особого порядка... Много лет назад мы обсуждали (еще в 1980-е, даже в конце 1970-х годов) возможность особого порядка. Тогда нам возражали, говорили, что будут злоупотребления. Даже дело о самом малозначительном преступлении нужно слушать в суде со всеми правами, с

соблюдением прав человека, со всеми требованиями принципа презумпции невиновности и так далее.

И мы, когда ввели особый порядок, сначала думали о малозначительных преступлениях или совершенных в условиях очевидности (до трех – пяти лет лишения свободы). Но когда в этот круг попали и тяжкие преступления (планируется – и особо тяжкие, до 15 лет лишения свободы), то появляется большая опасность правил "суд без суда" или "суд на осуд", а не на рассуд. И, когда мы обвиняем иногда судью, что у него очень маленький процент оправдательных приговоров, судья в свою защиту говорит: "Так вы считаете нам ваш особый порядок, когда мы не судим, а регистрируем, когда мы ставим штамп на признании вины и на том обвинительном приговоре, который сам себе вынес осужденный. Поэтому вы уж считайте только те дела, которые мы рассматриваем по существу, рассматривая доказательства, рассматривая дело в судебном процессе непосредственно". Поэтому, конечно, это требует повышенного внимания. Когда-то, когда только обсуждали этот порядок, академик Владимир Николаевич Кудрявцев сразу в одной из своих работ назвал его аморальным и не соответствующим юридическим, правовым, демократическим критериям. Это тоже требует повышенного внимания.

Прокурорский надзор. Тоже было очень много споров. Ведь когда мы отделяли следователя от прокурора, мы думали не о независимости следователя, потому что вообще понятие независимости очень сложное, более важно понятие ответственности и соблюдения закона, демократического, правового, правильного закона. И когда мы отделили следователя от прокурора, мы поступились принципом законности. И чтобы прокурор не был зависим от своего подчиненного, следователя, когда прокурор был

начальником у следователя, мы следователю предложили другого начальника — так называемого процессуального контролера вместо надзирающего прокурора. Но надзирающего прокурора удалили из предварительного следствия, что, безусловно, сказалось на принципе законности и на всех тех основных принципах, к которым мы стремились в демократизации и справедливости уголовно-процессуального законодательства. Поэтому сейчас обсуждается вопрос о том, чтобы усилить прокурорский надзор за законностью на предварительном следствии, чтобы основные вопросы, которые касаются прав человека, права на защиту, были защищены дополнительно позицией надзирающего прокурора.

И последнее, о чем мне хотелось сказать в своем выступлении. В Совете Федерации в течение последних трех лет ведется большой анализ законодательства и правоприменительной практики в этом направлении. Мы провели ряд "круглых столов" и парламентских слушаний. Мы против законодательных вбросов, предложений, журналистских сенсаций. Мы против так называемых телевизионных уголовных процессов (кстати говоря, даже Президент обратил на это внимание), когда вчера совершено тяжкое преступление, а на следующий день уже в прямом эфире четыре часа слушается это дело журналистами с доказательствами, с видеозаписями, какая-то общественность уже выносит приговор до суда, до следствия даже, не только до суда. Я всегда удивляюсь, откуда у них столько денег. Попробуйте проведите следственные действия, организуйте все это. А тут журналисты в течение суток собирают со всей страны людей, привозят на эфир и в прямом эфире... Попробуйте предложите судье вот так судебный процесс в прямом эфире... А здесь всё... И общественное мнение выносит приговор до суда и вместо суда. Поэтому, конечно, большое внимание этому должно быть уделено.

Мы сейчас сотрудничаем с Центром стратегических разработок Алексея Леонидовича Кудрина, он тоже участвовал в наших парламентских слушаниях. Может быть, в какой-то степени это будет тоже шаг к централизации всех этих проблем, потому что там вместе с нами и нашими экспертами тоже изучаются вопросы и уголовного процесса, и абсолютно все, которые касаются уголовной политики в самом широком смысле этого слова. И кадровая политика в правоохранительных и судебных органах, и проблема наказаний, исполнения наказаний, — все это чрезвычайно важно. Поэтому мы очень благодарны вам за эту встречу. Я убежден, что она должна быть полезной и интересной. Интересная тема, которую мы с вами обсуждаем.

Я бы хотел, чтобы мы договорились о некоем регламенте нашей работы. Хотелось бы, чтобы наши выступления были покороче, поскольку это не научная конференция, это парламентские слушания, где принципиальная позиция, жесткая, понятная — да, нет, почему. И желательно, чтобы вы оставили нам свои записи (на одной странице рукописного текста три-четыре пункта основных проблем, которые вы поддерживаете или не поддерживаете, и как бы вы предложили решать эти проблемы, которые перед всеми нами стоят), конечно, с указанием своих данных, чтобы мы могли это использовать.

По поводу регламента. Если вы не возражаете, я бы предложил дать для докладов первым трем записавшимся нашим товарищам условно по семь минут, а остальным выступающим — до пяти минут. То есть желательно коротко, четко, именно без каких-то сложных, научных, долгих выступлений, чтобы максимально большее количество людей выступило.

Итак, первому слово предоставляется Владимиру Николаевичу Ананьеву, председателю Ярославского областного суда, как главному участнику процесса, поскольку он судья.

В.Н. АНАНЬЕВ

Спасибо большое, Алексей Иванович, за предоставленную возможность участвовать в сегодняшнем столь серьезном мероприятии. Прошу прощения за опоздание и прошу прощения у всех присутствующих за то, что я оказался в президиуме, просто так получилось.

Правда только в том состоит, что действительно я помню, как все это происходило тогда, когда готовился Уголовно-процессуальный кодекс, какие были дебаты, как появлялись те или иные институты. Поэтому все то, что было, мне не чуждо. Я правда многое помню и очень многие вещи отслеживаю и на сегодняшний день.

Очень коротко... Я не застал, к сожалению, с самого начала выступление Алексея Ивановича, но такой тезис сразу мне врезался в память. Кто такой следователь, кто такой прокурор в уголовном судопроизводстве? Это только избличение, это только обвинение либо все-таки это более широкие полномочия?

Вы знаете, я всегда вспоминаю самое первое уголовное дело, которое было рассмотрено судом с участием присяжных в Ярославской губернии в 1866 году. В то время архивы велись настолько добросовестно, что эти дела есть в наличии, и там в том числе и протоколы судебных заседаний написаны хорошим, каллиграфическим почерком, и все это в государственных архивах хранится до сих пор. Я не буду пересказывать дело, оно само по себе, конечно, очень интересное, но меня тогда в этом деле больше всего поразили обращения к присяжным со стороны государственного

обвинителя и адвоката. Про адвоката говорить не буду. К слову, что называется, про обвинителя. Я помню, у обвинителя такая красивая фамилия — Христианович, и он начинал свое обращение к присяжным со слов о том, что у него задача очень сложная, потому что перед ним не стоит задача обвинять во что бы то ни стало и представлять суду только изобличающие обвиняемого доказательства, что если он найдет обстоятельства и доказательства, которые свидетельствуют о невиновности обвиняемого, то он по совести об этом заявит и присяжным, и суду.

Слушайте, совершенно удивительно (и это записано): нет Конституции, нет Европейской конвенции по правам человека, нет многих работ, но вот сколь глубокие были у людей того времени знания и правильное понимание существа все-таки судопроизводства. И мне представляется, что та позиция, которая была обозначена, была обозначена совершенно правильно.

А теперь о чем я хотел бы сказать в это короткое отведенное мне время? Так случилось, что я действительно имел некоторое отношение к формулированию нормы статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса, и поэтому то, что потом происходило, меня задевало, интересовало, может быть, даже возмущало. Статья 90 — это преюдиция. Что произошло? Преюдиция имеет много аспектов. Есть преюдиция в широком смысле — как обязательность вступившего в законную силу судебного решения (не только по уголовному делу, но и по любому иному) и требование неукоснительного исполнения этого решения, и это влечет свои конкретные правовые последствия, нашедшие отражение в том числе в Уголовно-процессуальном кодексе, как запрет на повторное производство по делу, как норма статьи 392 УПК, говорящая об обязательности судебного постановления по уголовному делу. И есть

преюдиция в узком значении, в узком смысле — как основание освобождения от доказывания. И сейчас появилась еще и материально-правовая преюдиция, или, как мы ее называем, административная преюдиция, когда привлечение лица к административной ответственности и наложение административного наказания при определенных условиях и по определенным составам являются основанием для уголовной ответственности.

Почему так решили? В чем здесь история самого вопроса? Устав 1864 года, уголовно-процессуальные кодексы 1922 года, 1923 года и 1960 года правда не знали такой нормы — о преюдициальном значении вступившего в законную силу приговора по одному уголовному делу для суда, рассматривающего другое уголовное дело. Этого не было. Это новелла, это новая норма. Всегда были нормы о значении решения по гражданскому делу (это было и в уставе, и во всех названных кодексах), именно о значении, только как подтверждение того, что было определенное событие. Причем в тех процессуальных законах (в Гражданском процессуальном кодексе...) значение приговора по уголовному делу было более жестким для тех видов судопроизводства — не только событие, но и лицо, совершившее определенные действия. И, строго говоря, как показывал практический опыт, нормы об обязательности судебного решения по гражданскому делу для уголовного судопроизводства значения не имели.

И поэтому появилась эта норма, достаточно ясная и определенная. Ее практическое значение было в том, что можно было повторно при определенных условиях, когда это не вызывало сомнений у суда, когда не было возражений у обвиняемого, не устанавливать определенные факты, обстоятельства, которые были

установлены вступившим в законную силу приговором по иному делу.

А потом появляются определения Конституционного Суда – четыре. Причем все это началось с 2008 года. Четыре определения, причем позиция менялась, не была очень конкретной. Статус определения Конституционного Суда лично для меня очевиден: это не источник права вообще никак. Это как определение любого суда. Суд не принимает к производству дело, суд не принимает заявление к рассмотрению – так как же суд может высказываться по существу вопросов, поставленных перед ним?

Но тем не менее определения появились, причем позиция, как мне казалось, смягчается, потому что в Определении от 13 октября 2009 года Конституционный Суд (хотя это определение) высказывается, что статья 90 УПК не противоречит Конституции и, более того, что решение суда, принятое в арбитражном судопроизводстве, не может никак ограничивать суд в исследовании доказательств по уголовному делу. И совершенно неожиданно через два месяца появляется вот эта новая норма о том, что преюдициальное значение в уголовном судопроизводстве имеют решения, вступившие в законную силу, принятые в рамках гражданского судопроизводства, арбитражного судопроизводства и административного судопроизводства.

Вообще, очень интересно, что понималось под административным судопроизводством, потому что КАС, собственно, являющийся административным судопроизводством, появился только 2015 году. Наверное, имели в виду постановления по делам об административных правонарушениях.

Ну, тоже давно известно о том, что суд не устанавливает факты вообще, просто так. Суд в каждом виде судопроизводства

устанавливает факты в их конкретном значении — либо уголовно-правовом, либо гражданско-правовом, либо в каком-то ином. Причем способы доказывания и основания освобождения от доказывания в иных процессуальных формах, кроме уголовного процесса, совершенно легкие. Суд может посчитать установленным факт в гражданском процессе только потому, что с ним согласились стороны, безотносительно того, соответствует ли это действительности. Так как же такие факты потом должен принимать суд, рассматривающий уголовное дело?

Ну и вот подтверждение того, что в таком виде норма не работает, она практического значения не имеет, потому что есть Конституция, потому что есть другие нормы Уголовно-процессуального кодекса, которые говорят о том, что, рассматривая уголовное дело, суд обязан непосредственно исследовать все обстоятельства и все доказательства. Причем никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, и эти доказательства суд оценивает по своему внутреннему убеждению, которое не может быть ничем ограничено.

Что я думаю по этому поводу? Я думаю, что вот как раз произошло на каком-то этапе смешение понятий преюдиции как обязательной силы судебного решения и преюдиции как основания освобождения от доказывания. Это разные вещи. И совершенно неверно звучат тезисы о том, что, когда суд в уголовном судопроизводстве не принимает обстоятельства, установленные решением по гражданскому либо арбитражному делу... Это не означает, что суд дезавуирует законную силу этого решения. Оно как исполнялось, так и будет исполняться, пока его не отменят в соответствующих процедурах. Так и будут взыскиваться соответствующие суммы. Приговор может потом явиться основанием

для пересмотра этих решений, принятых в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства. Но ограничить суд и сказать, что там факты установлены в таком виде и вы их обязаны принять, — это не работает, это практического значения не имеет.

И, мне представляется, совершенно верную позицию занял Верховный Суд. В декабре 2016 года и 17 мая текущего года Пленум Верховного Суда внес изменения в два постановления (они достаточно старые) — постановление по делам о грабеже и разбое и постановление по делам об ответственности за нарушение Правил дорожного движения, по так называемым делам теперь об административной преюдиции, когда привлечение лица к административной ответственности при определенных условиях может влечь наступление ответственности уголовной.

Так вот, если следовать такому пониманию преюдиции, которое сейчас изложено в УПК, то это будет означать следующее: вот установлен факт управления транспортным средством лицом в пьяном виде, привлечено лицо к административной ответственности, совершено подобное действие повторно — первый факт не обсуждается. "Это неверно", — сказал Верховный Суд. Он сказал, что обстоятельства, установленные таким постановлением, не предрешают вывода о виновности этого лица и виновность такого лица должна устанавливаться в уголовно-процессуальных процедурах на основании совокупности всех доказательств, в том числе и тех, которые не исследовались. И Верховный Суд сказал это дважды, и сказал, опираясь на свои конституционные полномочия, не менее, наверное, важные, чем у Конституционного Суда, потому что есть статья 126 Конституции Российской Федерации, которая говорит о том, что Верховный Суд является высшим судом по этим делам и

вправе давать разъяснения по вопросам судебной практики, что он и сделал.

Времени очень мало, Алексей Иванович, я исхожу из этого. Поэтому это вот такой яркий пример того, когда все-таки, как мне представляется, по неверному пути в силу разного рода обстоятельств, и не без помощи в том числе Конституционного Суда, пошел законодатель. И совершенно неверными мне представляются тезисы, которые прозвучали в этой части в постановлении Конституционного Суда. И потом были приняты два определения как бы по разъяснению этого постановления. Одно из них – по обращению Председателя Следственного комитета. Там вообще Конституционный Суд сказал две вещи, в чем он видит смысл преюдиции (статья 90). Он видит его в том, чтобы не дезавуировалась законная сила судебного решения и чтобы не было противоречивых судебных актов. Вот статья 90 ко всему этому не имеет никакого отношения. Поэтому я думаю, что такие изменения не очень правильные.

И еще, может быть, одна минута... Яркий пример таких достаточно... Кстати, закон не изменили, по счастью, но есть такая позиция, в том числе и Конституционного Суда, по статье 246 УПК. Когда прокурор отказывается от обвинения, то какие правовые последствия, и в том числе процессуальные последствия, для суда? Естественно, что прекращается производство по делу, нет обвинения. И сколько бы ни писали и ни говорили, что суд при отказе государственного обвинителя должен выяснять позицию потерпевшего... Для чего ее выяснять? Закон устроен по-другому.

УПК рождался очень сложно. Звучат иногда тезисы, что по такому УПК невозможно работать. Можно по нему работать, при том, что мы понимаем, что УПК... в чистом виде того намерения,

которое было изначально, не получилось. Это итог компромиссов всех ведомств, таких разумных, наверное, компромиссов. И поэтому есть какие-то шаги по совершенствованию УПК, которые двигают УПК дальше, наверное, это естественный процесс, норма закона должна развиваться. Но есть такие инициативы и такие нормы, которые являются не шагом вперед, а шагом назад. Вот пример по статье 90 – это такой пример. Спасибо за внимание. Я просто больше не задерживаю.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Владимир Николаевич.

Я попрошу выступить Владимира Ильича Винницкого, первого заместителя председателя комиссии Общественной палаты по безопасности.

В.И. ВИННИЦКИЙ

Спасибо, Алексей Иванович.

Владимир Николаевич сейчас говорил о том, как непросто рождался Уголовно-процессуальный кодекс 15 лет назад и сколько компромиссов пришлось преодолеть. Все те противоречия, которые стали, казалось, первоначально камнем преткновения, преодолены, но тем не менее еще много что остается доделать. И я хотел бы сказать, что Общественная палата никогда не стояла в стороне от этих законодательных изменений, особенно после того, как вступил в силу закон об общественном контроле, обязывающий Общественную палату (и не только Российской Федерации, но и субъектов) участвовать в обсуждении особо значимых нормативных актов, которые касаются широкого круга лиц.

И мы обсуждали, обсуждаем и будем обсуждать не только нормотворчество, но и правоприменительную практику. Делаем это мы всегда при участии наших уважаемых законодателей, органов

суда, следствия, прокуратуры. И я надеюсь, что, как и раньше, эта тенденция будет сохранена и все наши пожелания, которые мы обычно излагаем с помощью нашего экспертного сообщества, будут учитываться.

Я свое выступление хотел бы посвятить только трем вопросам. Я заявил свое выступление как о системном подходе к реформированию уголовного правосудия. Но думаю, что будет правильно его переформатировать и назвать — о необходимости системного подхода. Вы, я думаю, поймете, когда я закончу свое выступление.

Я остановлюсь на трех моментах. И первый — это тенденция к увеличению количества упрощенных производств в уголовном процессе. На момент вступления в силу УПК предусматривал одно упрощенное производство — особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Этот порядок получил широкое распространение на практике, поскольку позволяет принять по делу окончательное решение без проведения судебного следствия, то есть без исследования доказательств судом при обеспечении состязательности сторон. В некоторых судах 60–70 процентов дел рассматривается в порядке главы 40.

Правда, упрощенный порядок исследования доказательств вызвал серьезные возражения у специалистов. Они вполне обоснованно указывали на то, что применение особого порядка принятия судебного решения нарушает целый ряд принципов уголовного процесса, в том числе презумпции невиновности, состязательности сторон, свободы оценки доказательств, и одно из важнейших общих условий судебного разбирательства — непосредственность. Следует отметить, что статья 240 УПК требует,

чтобы все доказательства по уголовному делу были непосредственно исследованы. Суд должен заслушивать показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривать вещественные доказательства, оглашать протоколы и иные документы и так далее. При особом же порядке рассмотрения дела собранные доказательства не исследуются и не оцениваются, могут быть исследованы лишь обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

За 15 лет действия Уголовно-процессуального кодекса были введены и другие упрощенные формы уголовного судопроизводства: в 2009 году – особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40¹) (попутно стоит заметить, что если особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявляемым ему обвинением применяется лишь при согласии на то потерпевшего, то при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве такое согласие уже не требуется, хотя обвиняемый получает существенные льготы при назначении наказания или даже может быть совсем освобожден от отбывания наказания); в 2013 году – дознание в сокращенной форме; в 2016 году – производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности. С одной стороны, это производство сокращает сроки расследования и рассмотрения уголовных дел, уменьшает судебные издержки, а потому достаточно широко востребовано на практике. При этом, однако, нельзя не замечать и негативные стороны. Упрощение в доказывании по уголовным делам вполне может привести (а порой и приводит) к судебным ошибкам в окончательных решениях. Например, приговоры, постановленные в

особом порядке, очень часто противоречат последующим приговорам, вынесенным по тому же событию в отношении соучастников, основанным на всестороннем, полном и объективном исследовании доказательств в ходе обычного судебного следствия.

Судебная практика тогда пошла по пути признания приоритетного, преимущественного значения тех приговоров, которые постановлены в обычном порядке, хотя формально любой приговор, независимо от того, в особом или в общем порядке он постановлен, имел преюдициальное значение, то есть установленные им обстоятельства должны были признаваться в дальнейшем без дополнительной проверки.

На возникшую проблему противоречивости нескольких приговоров, касающихся одного и того же события в отношении одних и тех же участников преступления, вынужден был отреагировать и законодатель. В 2015 году статья 90 была изменена и установлено, что приговоры, постановленные в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и сокращенном дознании, не имеют преюдициального значения. Тем самым законодатель, по сути, признал, что приговоры, постановленные при упрощенном доказывании, не совсем полноценны.

Но тогда вполне естественно возникает вопрос: нужно ли вводить в уголовный процесс новое упрощенное производство? Возможно, и не надо, а стоит внимательно и критически проанализировать уже существующие их варианты. При этом, думается, надо исходить из того, что любое сокращенное или упрощенное производство по уголовному делу не должно противоречить принципам уголовного процесса и важнейшим

общим условиям производства на его главных стадиях — предварительного расследования и судебного разбирательства. Оно не должно предоставлять односторонние льготы и преимущества подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, ущемлять или ограничивать права потерпевшего, создавать препятствия для дальнейшего производства по делу или порождать правовую неопределенность для других видов правосудия.

Еще один момент, на котором я хотел бы остановиться, — это нестабильность уголовно-процессуального закона. В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации вносится большое количество изменений и дополнений, которые зачастую плохо согласуются с уже существующими предписаниями. Так, законодатель до сих пор не разрешил вопрос о противоречиях УПК и Федерального конституционного закона "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" (свидетельский иммунитет уполномоченного, порядок привлечения к уголовной ответственности, участие уполномоченного в пересмотре вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений судов по уголовным делам), а также Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (имеется в виду участие адвоката в доказывании по уголовным делам и так далее).

В связи с этим предлагается привести Уголовно-процессуальный кодекс в соответствие с Федеральным конституционным законом "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации", выявить противоречия УПК в других федеральных конституционных законах и обеспечить их синхронное действие.

В частности, УПК вообще не упоминает об особенностях действия уголовно-процессуального закона в условиях

чрезвычайного или военного положения. Такое производство прямо или непосредственно регулируется федеральными конституционными законами "О чрезвычайном положении" и "О военном положении". Но в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации была вполне уместна отсылочная норма на эти законодательные акты.

Требуется устранить противоречия с законом об адвокатской деятельности и адвокатуре, при разработке и принятии новых федеральных законов, которые будут действовать параллельно с УПК, учитывать его положения и предписания, чтобы избежать коллизий, противоречий, рассогласованности в нормах разных федеральных законов, что может породить серьезные затруднения в их практическом применении.

Несмотря на весьма интенсивное правотворчество, остаются неустраненными некоторые проблемы в УПК, связанные с отдельными видами реабилитации. Это касается производства в целях реабилитации умерших. 14 июля 2011 года Конституционный Суд принял Постановление № 16-П, которым признал неконституционным положение статьи 24 УПК в той части, которая позволяет прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого без согласия его близких и родственников. Однако в текст уголовно-процессуального закона никаких изменений так и не было внесено, таким образом, пробел не был устранен. А отсутствие в законе конкретных предписаний, касающихся производства в отношении умерших в целях их реабилитации, создает проблемы при практическом применении закона. В частности, возникают сложности, связанные с формой окончательных решений по такому уголовному делу (постановление

о прекращении дела или уголовного преследования, оправдательный приговор и другое).

Кроме того, следует отметить и достаточно деликатную проблему, связанную с упоминанием фамилий умерших лиц в приговорах в отношении соучастников. До недавнего времени их фамилии разрешалось упоминать в приговоре с обязательным указанием на основание прекращения уголовного дела в связи со смертью. Сейчас этот вопрос постарался разрешить Пленум Верховного Суда, но постановление — это не закон, а толкование, поэтому представляется, что производство в отношении умерших должно быть детально и подробно регламентировано уголовно-процессуальным законом.

В заключение стоит сказать о законодательной технике УПК. По мнению большинства специалистов, она явно хромает, внесенные в закон многочисленные изменения и дополнения, реформирование апелляционного, кассационного и надзорного производства по уголовным делам с одновременным исключением из текста закона прежних предписаний глав 43, 44, 45 и 48 привели к тому, что существующая нумерация глав и статей УПК довольно сложна. Доходит до того, что возникает путаница при упоминании процессуальных актов и иных норм, которые сейчас получили двойную нумерацию. Прежняя статья 389 ныне действует со статьи 389¹ до статьи 389³⁶.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Владимир Ильич, простите, ради бога...

В.И. ВИННИЦКИЙ

Я уже практически закончил.

Ну, сами понимаете, это достаточно громоздкая нумерация, которая, на мой взгляд, и не только на мой, требует изменения и в этой части. Спасибо.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо.

Слово предоставляется Сергею Анатольевичу Манахову, начальнику Управления по организации дознания МВД России.

Пожалуйста, Сергей Анатольевич.

С.А. МАНАХОВ

Спасибо большое, уважаемые коллеги, за возможность выступить. Я буду говорить предметно. Я представляю большой отряд дознавателей (20 тысяч) в России, которые ежегодно расследуют около миллиона уголовных дел (половину из них направляют в суд, заканчивают, половину приостанавливают), помимо всего прочего, еще и выносят около 400 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Поверьте, нагрузка достаточно большая на них, потому что мы расследуем около 140 составов преступлений, и она практически вдвое превышает ту нормативную нагрузку, которая установлена нашими приказами. Поэтому допускается очень много нарушений. К нам, например, в управление в день поступает около 30 жалоб граждан о нарушении порядка уголовного судопроизводства. Многие факты, конечно, подтверждаются.

Но я хотел бы обозначить три-четыре проблемы, с которыми мы постоянно сталкиваемся. Во-первых, нас, дознавателей, по многим материалам этот максимальный срок, который установлен для рассмотрения обращения гражданина о преступлении, в 30 суток, конечно, не устраивает.

Почему? По многим материалам мы вынуждены назначать экспертизы — судебно-медицинские, другие виды экспертиз, особенно это связано с клеветой, когда просто по методике проведения этих экспертиз (там указано) эксперту дается 30 дней. Мы никак не укладываемся. Мы стоим перед дилеммой, что делать: либо выносить постановление об отказе, либо возбуждать дело? Возбуждаем дело — прокурор отменяет: вами эти вопросы не выяснены, те вопросы не выяснены. Поэтому практика такая, что мы вынуждены отказывать в возбуждении уголовного дела, и сразу начальник дознания отменяет, и продолжаем это. Но прокуратура вносит это как нарушение дисциплины, порядка уголовного судопроизводства. И в конце года Генеральный прокурор ежемесячно говорит, что наши правоохранительные органы нарушили... 1 миллион нарушений. Правильно это? Неправильно.

Естественно, встает вопрос, что нам нужен порядок: либо мы должны продлевать по некоторым видам с разрешения прокурора сроки этих проверок (но этот порядок должен быть прописан), либо просто установить срок 60 дней, что в срок до 60 дней мы можем проводить такие проверки, особенно по материалам, связанным с высокими технологиями (такие материалы у нас тоже есть, мы обращаемся в банки, проверяем счета, всевозможные карточки) в сфере киберпреступности. Мы просто не укладываемся в то время, которое нам дает законодатель. Это первая проблема.

Вторая проблема тоже, наверное, связана со сроками. Вы знаете, были изменения в статью 196, которая говорит о том, что по определенному ряду уголовных дел мы должны проводить судебно-психиатрические экспертизы, когда для этого есть основания. Это дела в основном о незаконном обороте наркотиков. Хотя там есть оговорка, что когда есть основания, но на практике нас заставляют

проводить эти экспертизы. В Москве мы еще более-менее укладываемся в те сроки, которые у нас есть, но каждое третье дело — и мы вынуждены опять продлевать сроки, идти к прокурору, просить дополнительные сроки. Это лишние документы в деле. А, самое главное, есть регионы, где очередь на судебно-психиатрическую экспертизу составляет до трех месяцев. Мы расследуем и в конце концов потом передаем в следствие. Тоже наши коллеги обижаются, что мы им передаем эти дела. Наверное, этот вопрос можно решить организационными мерами, но тем не менее эта поправка, конечно, очень ударила по... и загрузила наше подразделение в этом плане. Хотя некоторые регионы рассматривают эти вопросы на координационных совещаниях, и там просто решается, что, действительно, когда есть основания... и здесь проблема снимается.

Третий, основной момент. Я больше 30 лет и в следствии, и в дознании сталкиваюсь с делами, по которым лицо не установлено. В дознании около 400 тысяч уголовных дел приостанавливается в связи с неустановлением лица. Что это за дела? Это мелкие кражи, это выделенные материалы по сбыту наркотиков, по сбыту фальшивых документов. Это дела, по которым лицо в принципе уже установить невозможно, но мы проводим полный комплекс следственных действий, иногда это 50, иногда 100 листов. В архивах этих дел очень много. Наверное, по делам, где следствие необязательно, где очевидно, что лицо в течение трех дней мы не установили, надо вводить новый порядок уголовного судопроизводства. В Финляндии такая норма есть, там отказывают в возбуждении уголовного дела, когда расследование принесет большие расходы и оно просто нецелесообразно. У нас, к сожалению, такой нормы практически нет. Я считаю, что здесь достаточно: обратился гражданин с заявлением о

какой-то краже... да, мы не установили это лицо, мы зарегистрировали преступление, составили бланк, информацию о похищенных вещах передали в наш ГИАЦ на розыск похищенных вещей, признали его потерпевшим, дело положили в стол. Найдется лицо – возбуждаем дело, проводим полное расследование, выясняем все обстоятельства и дело направляем в суд.

Но зачем нам заниматься лишним оформлением, тем более в этой экономической ситуации? Нам достаточно большие деньги приходится тратить. Если разобратся, трудозатраты... наверное, себестоимость одного уголовного дела будет 6 тысяч. Это колоссальные затраты, это миллиарды в год. Поэтому здесь хотелось бы, конечно, этот вопрос более предметно посмотреть и проанализировать возможность внесения таких норм.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Сергей Анатольевич, а были предложения законодательного решения этой проблемы?

С.А. МАНАХОВ

МВД обращалось, мы писали в Администрацию Президента. Там вообще ставился вопрос об отмене стадии возбуждения уголовного дела (Борис Яковлевич как раз у нас в академии этим вопросом занимался). Много было недоработок, но там касалось полностью всей стадии уголовного судопроизводства (аналог имелся на Украине). Я считаю, что это достаточно трудно будет осуществить и нагрузка будет еще больше. А именно в отношении дел небольшой и средней тяжести это предложение может быть реализовано. Почему нет?

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Давайте вернемся к этому вопросу.

С.А. МАНАХОВ

Да.

Ну и к тому, что, конечно, в УПК очень много проблем, с которыми мы сталкиваемся постоянно. Вчера, например, мы получили информацию о том, что прокурор в одной из республик отменил постановление о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям (дело было прекращено в 2006 году). Прошло 11 лет, он отменяет постановление о прекращении: давайте расследуйте. Что расследовать, когда оно два года назад было уничтожено? Полистали УПК – ну нет ничего по этой теме. Да, по аналогии можно в связи с вновь открывшимися обстоятельствами... Даже суд не возобновляет дело, когда истекли сроки давности. А вот в отношении нас ничего нет. Хотели обжаловать решение прокурора – не имеем такой возможности. Постановление о доследовании можем обжаловать, а вот постановление об отмене нашего прекращенного дела – нет.

Поэтому здесь, конечно, я считаю, УПК надо совершенствовать, реформировать. И я, конечно, прошу просто помощи у науки, на вас просто возлагаем большие надежды. Ну и сами будем выходить с инициативой.

У меня все, коллеги, в связи со временем.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Сергей Анатольевич.

А сейчас слово предоставляется исполняющей обязанности начальника ВНИИ МВД России Ольге Игоревне Цоколовой.

О.И. ЦОКОЛОВА

Уважаемые коллеги! 1 июля 2002 года я прекрасно помню. Во ВНИИ МВД по приказу Министра внутренних дел была организована "горячая линия" для следователей и дознавателей, и был буквально шквал звонков. Основную проблему, кстати говоря, тоже прекрасно помню: возникал вопрос о том, что отказ в

возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления возможен только при наличии лица. "А как быть?" – спрашивали и следователи, и дознаватели.

Понятно, что годы с тех пор прошли. Практика выходы нашла. Каковы проблемы сейчас? В силу того что ВНИИ МВД постоянно занимается мониторингом оперативно-служебной деятельности, в том числе и досудебного производства, рассматривает проблемы, которые есть и у следователей, и у дознавателей нашей системы при расследовании уголовных дел, я бы очень коротко обозначила, в чем проблемы сейчас и связано ли это с несовершенством УПК.

Во-первых, отказ в возбуждении уголовного дела. Я думаю, что все слышали, постоянно обсуждается проблема, связанная с огромным количеством отказных (извините за рабочее выражение). Получается, что если 25 лет назад у нас решения об отказе в возбуждении уголовного дела составляли менее половины по отношению к возбужденным уголовным делам, то сейчас отказных в три раза больше, чем возбужденных уголовных дел.

Мы разбирались в причине. Конечно, это комплекс причин, но все-таки одна из основных проблем в том, что в рамках УПК отказывается в возбуждении уголовного дела по тем инцидентам, по тем обращениям, в частности в органы внутренних дел, когда вообще нет никакой информации о признаках какого-либо преступления.

Обращений в органы внутренних дел много, по разным вопросам. Как в этом случае разбираться? А разбираются как раз в рамках УПК и отсюда – отказные. Это отнимает огромное количество времени и создает этот огромный массив (больше 6 миллионов) отказных.

Напротив, о чем говорил сейчас уважаемый Сергей Анатольевич, вынуждены проводить проверку тогда, когда уже есть на момент обращения или при минимальных проверочных действиях достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Проверяем. Почему проверяем? Потому что требуются и проведение экспертизы, и чуть ли не полный сбор доказательств. Получается, что предварительная проверка у нас подменяет собой расследование. Более того, решение о возбуждении уголовного дела подменяет собой, по сути, постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Связанная с этим проблема – это проблема прекращения уголовных дел. У нас решение о прекращении уголовного дела Уголовно-процессуальный кодекс рассматривает вообще-то как равнозначное обвинительному заключению или обвинительному акту. Вместе с тем практика сейчас приходит к тому, что прекращение уголовного дела считается браком в работе, все больше считается браком в работе. И, посмотрите, у нас и по Министерству внутренних дел, и по уважаемому Следственному комитету эти решения стараются свести на нет.

Все это указывает на то, что, собственно говоря, ведь не УПК здесь порочен – практика уходит в сторону от положений закона, складывается в силу разных причин иначе, чем предусматривалось при принятии этих законодательных норм. УПК ведь у нас не говорит о том, что надо проводить процессуальную проверку тогда, когда вообще нет информации о признаках преступления. Не надо проводить проверку вместо предварительного расследования. Убедился, что есть признаки преступления... Человек погиб в результате ДТП – несомненно. А уж какое точно будет медицинское заключение о причинах смерти, о травмах, которые привели к

смерти, можно устанавливать во время расследования, а вовсе не в ходе предварительной проверки.

Но я сейчас о противоположном... Есть, конечно, и проблемы, требующие совершенствования уголовно-процессуального закона. Например, беда с вещественными доказательствами. Если брать историю 30-летней давности, вещественные доказательства были совсем другие: золото, бриллианты, машину, не дай бог, угонят. Сейчас – огромные массивы вещественных доказательств, которые орган расследования и, соответственно, правоохранительная структура вынуждены хранить, тратя часто несопоставимые деньги.

Возникает вопрос: для чего мы их храним? А мы их храним для того, чтобы, если будет судебный процесс, можно было эти вещественные доказательства предъявить суду. Так ведь? И получается, что статья, например, о вещественных доказательствах становится все более сложной, все более запутанной, и отсюда точно так же следуют и проблемы практики.

И еще... В завершение своего выступления я решусь произнести вот что. В этой аудитории я была на других парламентских слушаниях – по охране общественного порядка, и один из уважаемых руководителей Министерства внутренних дел сказал о презумпции доверия полиции. Что касается уголовного судопроизводства, то я полагаю, что у нас все более ширится презумпция недоверия к следователю, дознавателю и даже судье. Вследствие этого все более усложняются правила фиксации доказательств, становятся все толще уголовные дела, проверочные материалы и затягиваются сроки расследования.

Отсюда следующее предложение. Если мы дальше совершенствуем Уголовно-процессуальный кодекс, то, безусловно, надо двигаться в сторону упрощения, в сторону использования

современных способов фиксации доказательств, современных способов доказывания и, наконец, в сторону сокращения сроков досудебного производства, с тем чтобы материалы уголовных дел о тех преступлениях, где есть очевидность сразу, на момент расследования, как можно скорее представлялись в суд и человек получил бы заслуженное наказание либо был оправдан, что тоже не страшно.

По большинству уголовных дел независимо от тяжести преступления, по многим уголовным делам расследовать в течение месяца, двух месяцев просто нечего, но УПК у нас требует дознания, все более усложняющегося (о чем говорил Сергей Анатольевич, руководитель Управления по организации дознания МВД), и расследования уголовных дел, все более усложняющегося, и доказывания, все более тщательного и выходящего, собственно говоря, за рамки так называемых пределов доказывания, то есть тех необходимых границ, которые УПК должен бы требовать.

Уважаемые коллеги, спасибо за внимание.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Ольга Игоревна.

Я бы сейчас хотел попросить выступить Сергея Ивановича Никулина, заместителя начальника Правового управления Генеральной прокуратуры.

Пожалуйста.

С.И. НИКУЛИН

Спасибо большое, Алексей Иванович.

Уважаемые коллеги! Мы сегодня обсуждаем действительно очень значимую дату, потому что появление на свет действующего УПК (даже по справке, если кто-то с ней ознакомился) такие перипетии проходило (присутствующего здесь Владимира

Николаевича можно считать одним из создателей этого документа), что действительно диву даешься, как вообще все это произошло. Я, как интересующийся и тяготеющий к уголовному праву, видел, какие проблемы возникали в процессе принятия Уголовного кодекса. Но как по поводу УПК процессуалисты схлестнулись между собой – это было что-то! Но тем не менее акт был принят и ту процессуальную традицию, которая была заложена еще Уголовным уложением, а потом и УПК 1960 года, удалось продолжить. В общем-то, этот кодекс является в значительной степени продолжателем русских процессуальных традиций. В этом его большое значение и непреложная данность.

Но что я хочу сказать? Как представитель прокуратуры, я все-таки коснусь вопросов, связанных с заинтересованностью прокуратуры в дальнейшем совершенствовании того кодекса, который мы имеем сейчас. Понимаете, я бы сказал так. Российская Федерация начиная с 2007 года устроила эксперимент в уголовно-процессуальной сфере, так препарировав функции прокуратуры на предварительном расследовании, что приходится разводить руками, если сравнивать эти функции с функциями прокуратуры практически во всех европейских странах, не говоря уже за океаном. Потому что там прокурор если не руководитель следствия, то, во всяком случае, он отвечает за него, а не руководитель органа следствия, как у нас это сейчас фактически, исходя из полномочий прокурора, установлено.

То, что было вначале заложено в УПК, сейчас, конечно, возвращать бессмысленно, да и не нужно. Мы действительно прошли период проб и ошибок, что называется, и, конечно, не все прежние функции прокурора должны быть ему возвращены.

Но я с удивлением и с удовлетворением услышал сегодня от уважаемого Алексея Ивановича, что действительно зреет мнение, что мы с этим экспериментом зашли очень далеко. Адвокатское сообщество выступает за то, чтобы прокурору были возвращены некоторые функции. Не уверен... даже, скорее, разочарован тем, что представители органов, которые связаны со следствием (я уж не говорю о Следственном комитете), конечно, будут против этого возражать. Прокурор неудобен. А почему он должен быть удобен, если задаться этим вопросом? Почему он должен быть удобен следователю, которому, в общем, хотим мы этого или не хотим (Алексей Иванович это подчеркнул), все-таки обвинительный уклон ближе (обвинительное заключение он составляет)?

А вот что касается прокурора, я думаю, зреет понимание того, что у него особая роль (еще раз сошлюсь на Алексея Ивановича). Другое дело, что мы эту роль никак не можем пока воплотить и в моральном смысле слова, но особая роль у прокурора. И это вытекает из международных документов, которые говорят о том, что прокурор обязан не только защищать интересы потерпевшего, но и заботиться о праве обвиняемого и в суде представлять (как это было представлено, прокурором сегодня продемонстрировано) вот такую моральную ипостась: он не обвинитель, по большому счету, он человек, который за справедливость. Это сложно, понятно, что это сложно, но без этого места прокурора на предварительном следствии мы имеем то, что имеем. Мы иногда разводим руками... Коллеги говорят о том, что дознавателю не хватает времени. Масса примеров, когда дознаватель просто ничего не делает, он говорит: я не успеваю.

Ладно, о дознавателях не будем говорить, они перегружены. А со следователями какая ситуация? Говорят, якобы формальная статистика. Она не формальная, она выявляет бесконечные

нарушения следователями порядка ведения дел. Почему? Иногда причина на поверхности не лежит, но тем не менее это так. И кто, как не прокурор, должен быть в этом смысле, если хотите, "подстегивателем", защитником интересов потерпевшего, который взывает, говорит: примите какие-то меры. Принимаем — следственные действия не проводятся.

Поэтому, обижайтесь, не обижайтесь, представители уважаемых ведомств, Следственного комитета в том числе, это с его появлением началась вот эта реформа. Кстати говоря, очень лукавая вещь... Я не знаю, с чьей подачи, но такой тезис выдвигается, что принятием вот этих поправок в Уголовно-процессуальный кодекс в 2007 году преследовалась цель отделить следствие от надзора. При этом оговаривалось: не ослабляя роли прокурорского надзора в надзоре за органами предварительного расследования. А вот это чистой воды лукавство. И поэтому, когда сейчас прокуратура, своими ли усилиями, усилиями ли депутатов, которые вносят законопроекты, связанные с некоторым расширением полномочий прокурора... Однозначный ответ: это противоречит концепции, которая якобы появилась или, так сказать, воспринята законодателем в 2007 году. Эту концепцию можно прочесть в пояснительной записке к тому закону, и там четко написано в первых же строках: не ослабляя прокурорского надзора, и так далее. А дальше весь этот прокурорский надзор был сведен, ущемлен, урезан и так далее. Поэтому, конечно, прокуратура с этим не может согласиться. Об этом неоднократно говорил Генеральный прокурор, выступая в том числе со своими отчетами в Совете Федерации. Совет Федерации его в этом смысле поддерживает.

Еще раз говорю: мы не рассчитываем на то, что прокурору будут возвращены функции, по которым он станет полным хозяином

дела и по его "щелчкам" ему дела должны представляться по любому поводу. Но есть некоторые вещи, которые обойти вниманием нельзя, имеется в виду, с точки зрения полномочий прокурора. Нам не очень понятно, почему прокурор, установивший нарушения законодательства (не просто нарушения, а нарушения, которые могут быть квалифицированы как преступления), не может уголовное дело возбудить.

Есть декларация, которая говорит: прокуроры всех стран должны быть наделены этим полномочием. Это самое главное полномочие того, как мы говорим, "государева ока", которое выявило нарушение. Нет, похлопачи перед органами предварительного расследования! Соответственно, и прекращение дел — тоже, когда прокурор не может прекратить дело, видя, что оснований его направления в суд нет. Возврати следователю. Ну, это из этой же серии. То есть мы в данном случае не видим никакой логической обоснованности этих вопросов.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Сергей Иванович...

С.И. НИКУЛИН

Заканчиваю.

Еще один момент, только связанный, может быть, даже с проблемами в сфере предпринимательской деятельности. Вот устанавливали и усиливали уголовную ответственность за незаконное возбуждение уголовного дела. Предложение Генеральной прокуратуры было: наряду с этим дайте возможность возбуждать и расследовать уголовные дела в отношении следователей, нерадивых, радивых — каких угодно, если есть основания для возбуждения дела, прокуратуре, как во всем мире. Увы, это тот орган, который, хотим мы этого или не хотим, над этими органами стоит. Мы поставили

вровень Следственный комитет и прокуратуру (о других органах не говорю). Нам говорят: "Нет, это неправильно, пусть Следственный комитет расследует". Мы не видим в этом опять никакой логики. Генеральный прокурор и об этом говорил. Мы не собираемся в этой связи создавать следственное подразделение, но уполномоченные для производства предварительного расследования в возбуждении дела при его производстве прокуроры могут быть выделены в составе прокурорского корпуса, который не потребует своего увеличения. На этом я закончу.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Сергей Иванович.

Что я хотел бы по этому поводу сказать? Буквально два слова. Дело в том, что мы бы хотели, чтобы здесь ни в коем случае не было спора между ведомствами — следователь, прокурор, еще кто-то... Нам нужен государственный подход. И когда мы говорим о прокурорском надзоре за предварительным следствием, мы говорим не столько о полномочиях прокуратуры, сколько о соблюдении законности на предварительном следствии. А обеспечить это может только прокурорский надзор. Другого института у нас нет. Вот о чем идет речь. Это не борьба Чайки и Бастрыкина. Речь идет о законности на предварительном следствии. Мы в этом все заинтересованы. Поэтому если исходить из не ведомственных, а государственных интересов, то этот вопрос нам придется все-таки решать положительно, к чему мы, собственно, готовы.

Следующий выступающий — Лариса Николаевна Масленникова, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени Кутафина.

Л.Н. МАСЛЕННИКОВА

Уважаемые коллеги! Спасибо за предоставленную возможность.

Я выступаю прежде всего за необходимость проведения межведомственного мониторинга рассмотрения судом первой инстанции уголовно-правовых споров и применения мер уголовно-правового характера. Чем обусловлена эта необходимость? Как известно, к мерам уголовно-правового характера относятся: наказание, теперь судебный штраф, меры воспитательного воздействия и меры принудительные медицинского характера. Все меры уголовно-правового характера могут быть применены только лишь за совершение преступления, ну и деяния в отношении... если речь идет о применении принудительных мер медицинского характера.

На сегодняшний день сложилась такая ситуация, когда решение о наказании принимается в судебных процедурах, которые в принципе не предусматривают возможность установления судом факта совершения преступления. Об этом уже говорилось – об особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, при заключении соглашения о сотрудничестве и некоторых других, упрощенных процедурах, когда упрощенное дознание. Но я хотела более подробно коснуться даже не этого вопроса. Здесь существует масса дискуссий, проблем. Для меня кажется еще более страшной проблема: а кто же сегодня суд? Мы задаемся вопросом: следователь – это сыщик или судья? А я задаюсь вопросом: а судья сегодня – судья или нечто другое? Введение таких процедур, которые не соответствуют концептуальной основе уголовного судопроизводства... применение уголовного штрафа, когда только лишь ходатайство следователя поступает в суд и суд, вообще не рассматривая в состязательной процедуре вопроса, совершал человек преступление или не совершал, есть ли

доказательства в подтверждение того, что он совершал преступление, только лишь штампует решения о применении штрафа. Возможно, для казны это неплохо. Возможно, люди должны или хотят с этим соглашаться, особенно по некоторым преступлениям и особенно тогда, когда у людей есть деньги. Но не мы ли порождаем при этом и коррупционную составляющую, когда от следователя зависит, он направит дело с обвинительным заключением и будет обвинительный приговор с последующими правовыми последствиями (судимостью и так далее) или он направит ходатайство о штрафе? Заплатив деньги, ты освобождаешься от уголовной ответственности при одних и тех же равных обстоятельствах.

Но еще страшнее то, что происходит в отношении несовершеннолетних. Ведь мизерная доля дел в отношении несовершеннолетних, которые рассматривают суды, о применении принудительных мер воспитательного воздействия. Существуют три процедуры: либо полная судебная процедура и приговор с освобождением от наказания и применением, либо прекращение дела и применение. Но здесь суд рассматривает вопросы: совершал, не совершал, есть доказательства или нет. Пошли по пути упрощения процедур, решили на детях сэкономить. И вводится какая процедура? Достаточно ходатайства следователя о применении мер воспитательного воздействия.

И опять коррупционная составляющая: от следователя зависит, он направит дело с обвинительным заключением и будет обвинительный приговор с последующей судимостью в отношении несовершеннолетнего или он направит ходатайство и суд, не вникая в вопрос, совершал или не совершал, примет решение о мере (пусть это будет извинение) и так далее.

Уважаемые коллеги! На мой взгляд, это страшные явления, которых вообще-то в принципе быть не должно, но ведь они порождают свои последствия и в сфере уголовного судопроизводства.

Я в душе аплодировала выступлению очень уважаемого мной судьи Владимира Николаевича Ананьева, с которым мы вместе работали и в рабочей группе, и в группе по мониторингу УПК. Почему? Потому что вопрос преюдиции – это сегодня вопрос, важный не просто с теоретической точки зрения, это не просто вопрос, который надо слегка... это борьба различных интересов в сфере уголовного судопроизводства.

Что происходит? Одни говорят: нам судебное решение не указ, мы его переступим и пойдем своим путем. Другие говорят: нет, судебное решение, в каких бы процедурах оно ни принималось, в том числе и во всяких упрощенных, где факты не исследовались, должно остановить судебное разбирательство дела по существу, ну, отдельных фактов, но тем не менее, и его нужно признать.

Буквально на днях у нас состоялась на кафедре очень серьезная дискуссия, поскольку обсуждалась диссертация моего ученика, который завершил... Диссертация называется "Преюдиция: реализация или преодоление". Потому что преюдиция – это правила, которые можно применить, а можно в силу объективных причин не применять, поскольку факты не устанавливались.

Уважаемые коллеги! Я не смею задерживать долго внимание, но еще раз хочу сказать, что опыт того межведомственного мониторинга, который рабочая группа проводила в 2001–2003 годах, показывает... Нам тогда удавалось во всех субъектах Российской Федерации не только "вручную" ездить разъяснять позиции, понимать проблемы, помогать, но еще и разделять локальные проблемы, и вы их решаете здесь, а это проблемы федерального

уровня, и необходимо поправить что-то в законе. Именно тогда усилиями этой группы в первые всего-навсего три года удавалось воспрепятствовать лоббированию отдельных интересов в виде законопроектов, потому что мы не давали своего одобрения тем законопроектам, которые, безусловно, свидетельствовали о лоббировании отдельных интересов. А все те проблемы, которые сегодня прозвучали (а еще больше их не прозвучало), я всегда расценивала и буду расценивать как лоббирование отдельных интересов либо ведомств, либо групп.

Стадия возбуждения уголовного дела. Сколько об этом было написано! Еще в начале 1980-х годов моя кандидатская диссертация была посвящена этому, и ее позиции вошли в концепцию судебной реформы. Все очень просто: поступило заявление, есть признаки преступления — надо возбуждать дело и расследовать по законной процедуре. Не будет установлен состав преступления — надо прекращать. И то, и другое — законные решения.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Лариса Николаевна...

Л.Н. МАСЛЕННИКОВА

Да, я заканчиваю.

Большое вам спасибо. Извините, если задержала.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо большое.

Владимир Иванович Курилов, директор Юридической школы Дальневосточного федерального университета. Пожалуйста.

В.И. КУРИЛОВ

Уважаемые коллеги! Очень много можно говорить о тех противоречиях, которые существуют в действующем Уголовно-процессуальном кодексе, о том, что нужно в нем поправить. Вот

Сергей Иванович говорил о роли прокурора... В самом деле, что только не происходило в последние десятилетия с ролью прокурора в уголовном процессе! И сейчас вполне резонно прокуроры говорят: "Как же так? Мы поддерживаем государственное обвинение в суде, мы отвечаем за результаты предварительного расследования, но мы им не руководим, мы в нем не участвуем". С другой стороны, Следственный комитет говорит: "Коллеги, ну как же так? Если мы отвечаем за предварительное расследование, почему мы не имеем права обжаловать в суде судебное решение о мере пресечения для подследственного? Где логика?" В самом деле, таких вопросов, наверное, можно ставить достаточно много, и некоторые из них я хотел бы обозначить.

Первое. Например, статья 133 Уголовно-процессуального кодекса о возмещении ущерба подследственному, обвиняемому — очень важный вопрос, но... В чем заключается "но"? Как говорят, дьявол прячется в деталях. Мне известно как минимум о нескольких уголовных делах, в которых ситуация развивалась таким образом: было совершено тяжкое преступление, появился подозреваемый, он дал признательные показания о том, что, да, он совершил это (более того, один из них написал явку с повинной по одному из этих тяжелых уголовных дел), потом в результате расследования было установлено: нет, эти люди никакого отношения к преступлению не имеют (ну, один прятал труп — принимал участие в этом преступлении таким образом). Но о чем я хочу сказать? Эти люди в порядке статьей 133 получили компенсации по решению суда. В одном варианте это было 600 тыс. рублей, в другом варианте — 100 тыс. рублей. Но о чем я хочу сказать? Человек, который умышленно ввел в заблуждение следствие, дал признательные показания, в конечном счете, когда устанавливается, что он не имел

отношения к этому уголовному делу, получает по решению суда компенсацию.

И если буквально толковать статью 133 Уголовно-процессуального кодекса, то мы увидим, что подозреваемый, который находился в следственном изоляторе, претерпевал какие-то другие неблагоприятные последствия в результате применения к нему мер пресечения, не только не несет никакой ответственности (хотя по аналогии с положением свидетеля можно говорить о даче ложных показаний или еще каким-то иным образом ставить вопрос), но еще и получает от государства довольно солидную компенсацию. Причем таких случаев много. Иногда следователи говорят о том, что они усматривают умышленное введение в заблуждение следствия с целью получения в дальнейшем компенсации.

Следующее, о чем можно говорить, — это всем известная статья 217 (ознакомление с делом). Сейчас, поскольку нет временного ограничения, можно говорить о злоупотреблении правом, ведь обвиняемый может знакомиться с делом, он может менять адвоката, скажем, по прошествии определенного времени, и, в общем, это все может затягиваться очень надолго. И в результате возникает вопрос: а не нужно ли, так же как ограничен срок следствия, ограничить каким-то образом срок ознакомления с материалами дела, тем более что обвиняемый, адвокат получают право фотографирования материалов дела? Ну и так далее, в целях экономии времени не буду развивать.

Можно приводить и другие примеры, которые говорят о том, что уголовно-процессуальное законодательство нуждается в совершенствовании, совершенствуется и будет совершенствоваться. Но, коллеги, если говорить об уголовно-процессуальном законодательстве стран континентального права и законодательстве

Соединенных Штатов Америки, оно, как правило, сформировано таким образом, что у них нет уголовно-процессуального кодекса, у них есть система нормативных актов, которая и составляет уголовно-процессуальное право, при этом достаточно современное законодательство сочетается с тем законодательством, которое применялось давным-давно. Например, в Великобритании, мы знаем, закон о государственной измене от 1351 года действует до сих пор. То же самое можно сказать о Конституции Соединенных Штатов Америки и ряде других нормативных актов.

Коллеги! Недостатки, которые имеются в кодексе, и предпосылки для его совершенствования не означают, что нужно поддерживать те предложения, которые иной раз мы видим в научной литературе, — о том, что нужно создавать новый Уголовно-процессуальный кодекс. Мне представляется, что это неправильно. Тот Уголовно-процессуальный кодекс, который был принят и работает 15 лет, — это большое социальное благо, это юридическое благо, нам его нужно беречь и, совершенствуя законодательство, не стремиться разрушить до основания нечто, чтобы потом создать заново то, что будет лучше прежнего. Я думаю, что процесс совершенствования законодательства — это нормальный процесс, к нему надо так и относиться. И кодекс наш нужно поддержать. Спасибо.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Владимир Иванович.

Сейчас слово предоставляется Гасану Борисовичу Мирзоеву, президенту Гильдии российских адвокатов.

Г.Б. МИРЗОЕВ

Спасибо, Алексей Иванович.

Добрый день, уважаемые коллеги! На самом деле то, о чем мы сегодня говорим, имеет длинную историю.

Лариса Николаевна, я помню, когда в третьей Государственной Думе мониторили законодательство. К сожалению (что греха таить?), больше этим занимались коллеги-депутаты (я не буду называть их фамилии, Алексей Иванович их тоже помнит), которые ни одного дня практики не имели, а норовили всё изменить, все, что было в советское время, забыть, перечеркнуть и сделать нечто новое, что будет работать еще лучше. Конечно, некоторые вещи сделали нормально, некоторые вещи привели к тому, что мы потеряли, как говорил еще Петр I, "государево око" в таком важном государственном деле, как расследование уголовных дел.

У меня короткое вступление к этой теме. Нынешнее действующее уголовно-процессуальное законодательство действительно, к сожалению, не отвечает духу времени и тем требованиям, которые и наш Президент изложил в своем Послании, и которые требует время, дабы не вызывать определенное социальное возмущение. К сожалению, иногда судьи вынуждены принимать решения на основе, по сути дела, как говорили здесь, неустановленного факта преступления, а иногда — придуманного в кабинетах оперативных сотрудников, которые, по сути дела, используют имеющиеся у них возможности для давления на следствие, а потом в итоге и судьи вынуждены повторять слово в слово обвинительное заключение. И у судей нет реального права и возможности принимать решения независимо, не оглядываясь ни на следствие, ни порой даже на местных, муниципальных чиновников, которые пытаются оказать давление. И, конечно же, роль адвоката в этом еще более незначительна, малоэффективна, и очень трудно состязаться, потому что сторона обвинения сама бессильна, давайте

честно говорить. "Государева ока" нет, защитить человека реальной возможности нет. И поэтому происходит у нас так: адвокат может "соловьем петь", представлять доказательства, суд все равно, даже там, где можно принять решение об оправдательном приговоре, иногда вынужденно дает условное, боясь, что его обвинят в коррупции. Надо создать именно систему, когда закон работал бы во благо человека, во благо законности и контролирующие органы выполняли бы свою миссию, включая такие общественные структуры, как наши органы общественного контроля.

Но я хотел бы подчеркнуть, что адвокат (защитник) помогает нуждающимся лицам в реализации принадлежащего им и гарантированного статьей 48 Конституции Российской Федерации права на получение квалифицированной юридической помощи, которая, в свою очередь, неразрывно связана с естественными правами каждого человека.

В рамках и Федеральной палаты адвокатов, и Гильдии российских адвокатов у нас работают научно-консультативные советы. Научно-консультативный совет непосредственно в Гильдии российских адвокатов возглавляет молодой доктор юридических наук Андрей Викторович Рагулин. Мы его сегодня заявляли, почему-то пропуска не было, он сюда не дошел.

В последние несколько лет была проведена значительная научно-исследовательская работа по выработке предложений, направленных на совершенствование правового положения адвоката (защитника). Ряд этих положений был учтен (и спасибо Администрации Президента) при разработке и принятии закона № 73 от 17 апреля 2017 года.

Так, в частности, были учтены предложения об исключении из УПК процедуры допуска адвоката к участию в деле, о запрете на

использование в качестве доказательств материалов адвокатского производства, о разрешении присутствия при производстве обыска в отношении адвоката специально уполномоченного представителя адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, а также об установлении в УПК обязательных требований к основаниям и порядку, а также решениям о производстве обыска.

Также были усилены права адвоката (защитника) в части приобщения к материалам уголовного дела заключения специалиста, и фактически устранен запрет на разглашение адвокатом (защитником) данных предварительного расследования. Хочу отметить, что это право очень серьезно продвинуло возможности адвоката (защитника) при осуществлении им, я бы сказал, более эффективной защиты прав его доверителей. Раньше мы заявляли ходатайства на следствии, кое-где брали заключения специалиста, кое-где нет, в судах отказывали. Во многих случаях нам это очень серьезно помогает сейчас представлять в заключении независимого специалиста аналитику по данному конкретному делу с учетом всех конкретных обстоятельств, которые могут пролить свет на ту объективную истину, которую мы не хотим признавать и которую считаем пережитком старой, советской системы.

Ну да бог с ними, сейчас мы не будем об этом спорить, мы в тот раз обсуждали и в Госдуме, и везде. Мои коллеги-адвокаты говорят: "Нет, это возврат в 1937 год, это неправильно". Хотя сегодня, если вы возьмете любое дело, никто не устанавливает, а как это было, было ли это на самом деле, установлено ли это органами предварительного следствия и добыты ли необходимые доказательства, подтверждающие совершение этого преступления этим конкретным лицом.

Я хочу сказать, что в то же время в целях повышения эффективности адвокатской деятельности требуют рассмотрения и последующего принятия следующие положения (я сокращаю, не люблю читать, но эти предложения я записал, я их просто назову): о введении уголовно-правовой нормы об ответственности за незаконное воспрепятствование профессиональной деятельности адвоката или незаконное вмешательство в эту деятельность; об установлении невозможности привлечения адвоката к ответственности за непредставление сведений, информации, составляющей адвокатскую тайну, по запросу должностных лиц, государственных органов и иных лиц; об уточнении порядка и оснований для привлечения адвоката к ответственности за выраженное им при осуществлении (это очень важно) профессиональной деятельности мнение и закреплении возможности производства этих действий лишь при наличии установленного в рамках дисциплинарного производства факта нарушения адвокатом положений действующего законодательства.

Коллеги, вот сегодня по радио, вчера говорили разные вещи политического характера. Я здесь исключаю один момент: это не касается политики. Я считаю, что адвокат при осуществлении защиты интересов своего доверителя не должен лезть в дебри политических споров, быть сторонником одной идеи: или я за Сталина, или я против Сталина... Лично я считаю... И мы не будем адвокатов, которые это делают, поощрять и вмешиваться в эти противостояния. Это абсолютно неправильно. Если говоришь свое мнение – говори, что "это мое мнение", Иванова, Сидорова, а не адвоката.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Гасан Борисович...

Г.Б. МИРЗОЕВ

Заканчиваю сейчас, Алексей Иванович, последние две строчки.

О конкретизации перечня лиц, связанных с адвокатом, на которых распространяется государственная защита, путем включения в него родственников и близких лиц и о расширении перечня государственных органов, осуществляющих защитительные мероприятия.

Здесь целый ряд других... Я, Алексей Иванович, оставлю коллегам, может, пригодится в вашей законодательной деятельности. Одно хочу сказать — что нынешнее положение абсолютно (вот слышали) реально не устраивает в первую очередь граждан, потому что осуществление правосудия — это важнейшая государственная функция и от качества ее реализации зависят, если хотите, даже судьба государства в целом и состояние в нем законности. Я думаю, что у нас сегодня такой уровень развития общества, что с учетом поддержки со стороны Президента и нынешнего состава Государственной Думы, может быть, после выборов 2018 года мы придем к этому результату. Спасибо за внимание.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Гасан Борисович.

Я должен сказать, что действительно разрушение института защитника по уголовным делам или ослабление этого института угрожает уголовному правосудию. То есть это очень опасная вещь — неконституционное отношение к институту защиты в уголовном процессе. Это очень серьезный вопрос. Иногда я ловлю себя на том, что мы к этому вопросу относились в 1970–1980-е годы даже более ответственно, демократично, законно, со здравым смыслом.

Вот мы сегодня говорили о прокурорском надзоре, но то же самое имеет отношение и к защите по уголовным делам. Нужно

особенно на это обратить внимание, чтобы к адвокату не было отношения как к человеку, который защищает преступника. Но ведь происходит это потому, что в сознании следователя-обвинителя, следователя-сыщика... он считает своего обвиняемого преступником. Он – обвинитель, а это – преступник. А адвокат – так сказать, помощник преступника. Это очень плохо и опасно. Это, кстати, касается и нашей преподавательской деятельности тоже, потому что чему мы учим студентов – важный вопрос.

Пожалуйста, Георгий Борисович Романовский, заведующий кафедрой "Уголовное право" Пензенского государственного университета.

Г.Б. РОМАНОВСКИЙ

Уважаемые коллеги! Спасибо за предоставленное слово. С учетом регламента я тезисно по некоторым проблемам пройду.

Действительно, председатель нашего собрания сказал о том, что многое решают основные положения Уголовно-процессуального кодекса. Я на некоторых из них хотел бы остановиться подробнее.

Статья 6 УПК говорит о назначении уголовного судопроизводства. И если мы ее откроем (начиная с 2002 года она практически не менялась), то увидим, что интересы государства и общества вообще в ней не отражены. Мы защищаем права и законные интересы лиц и каких-то аморфных организаций, а государство и общество вообще выпало из назначения уголовного судопроизводства. Совершенно непонятно тогда, каким образом достигается назначение уголовного судопроизводства при расследовании таких преступлений, как, например, террористический акт, государственная измена, шпионаж и ряд других преступлений, которые направлены против основ конституционного строя, против государственной власти.

Все это, конечно, объяснялось очень просто — изменением статуса суда, что суд не может решать такую задачу, как преследование преступлений. Были сделаны ссылки на некоторые международные стандарты. Но если мы с вами почитаем международные стандарты, то там совсем все по-другому. В частности, в преамбуле Римского статута, который учредил Международный уголовный суд, говорится, что самое главное предназначение этого суда — это действенное преследование наиболее серьезных международных преступлений, а уже потом все остальное — защита прав и интересов и так далее, и тому подобное.

По очень многим моментам мы находимся в плену определенных мифов. У нас есть мантры о том, что чуть что мы делаем в защиту интересов государства — это возврат в 1937 год, это переход к советскому прошлому и так далее. Такая ситуация, в частности, с принципом состязательности сторон.

Я тоже хотел бы напомнить, что мы к принципу состязательности относимся больше с точки зрения, наверное, даже не то что американского правоведа (я бы, наверное, не говорил "американского", потому что у них тоже масса особенных моментов), а некоторых представителей американской юридической науки, которые любят приезжать в Россию.

Например, Венецианская комиссия, когда экспертировала Уголовно-процессуальный кодекс, написала о том, что (я зачитаю) за последние 100 лет в Европе, да, сложилась тенденция перехода от суда дознания к состязательному суду, впрочем, это не означает, что нужно вводить состязательный суд; суд дознания также может считаться справедливым порядком, если он беспристрастно защищает права подсудимого и дает возможность защите принимать эффективное участие в представлении доказательств. У нас же, в

общем-то, к сожалению, состязательный процесс — это действительно "боксерский ринг", где выступают в первую очередь защита подсудимого и государственный обвинитель, но почему-то в этом поединке абсолютно не участвует потерпевший, точнее, его интересы, защита интересов, прав потерпевшего.

Мы очень много говорим о том, что главное предназначение уголовно-процессуального законодательства — не допустить, чтобы невиновный был отправлен в места не столь отдаленные. А вот о защите прав потерпевшего мы почему-то всегда упоминаем в самый последний момент.

Недоверие к правоохранительной системе, наверное, как раз основывается на том, что потерпевшие зачастую, пройдя все эти процедуры, видят, что они не то что крайние, они вообще помеха в рамках этого уголовного судопроизводства. Потому что прокурор говорит: "Я не защищаю права потерпевшего, я являюсь государственным обвинителем, преследую государственные интересы". Защитник подсудимого говорит: "Я вообще с другой стороны". Судья тоже, в общем-то... И потерпевший в результате становится какой-то "пятой ногой", если говорить о собаке, например.

Посмотрите, как американская система правосудия, раз уж мы о ней заговорили, относится к защите прав потерпевшего. Как только в некоторых штатах увеличилась насильственная преступность, многие американские законодатели внесли очень интересный момент, который у нас, наверное, оценивался бы тоже как возврат в 1937 год. У нас ведь последнее слово — подсудимого, а там сделали так, что последнее слово не подсудимого, а жертв преступления перед судом присяжных, особенно это касается дел об изнасиловании и дел, связанных со смертью человека (последнее

слово предоставлялось родственникам погибшего). Естественно, обвинительные приговоры выросли в разы. Кстати, американские правозащитники не говорят о том, что это нарушение прав человека, говорят, это как раз достижение задач уголовного судопроизводства – наказание того человека, который совершил противоправный поступок.

Еще немножко по поводу потерпевшего. Мы зачастую забываем очень интересный опыт – опыт в рамках Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. А ведь есть модельный Уголовно-процессуальный кодекс, где говорится в том числе о защите прав потерпевшего, о том, что даже, например, когда государственный обвинитель отказывается от уголовного преследования, то потерпевший может взять функцию обвинения на себя и довести, если говорить упрощенно, процесс до конца. И суд будет выносить решение – или обвинительный приговор, или оправдательный приговор – при активном участии такого потерпевшего.

И есть еще несколько нюансов, моментов, на которые тоже хотелось бы обратить внимание. В первую очередь они связаны с появлением новых биомедицинских технологий.

Обратите внимание, в Уголовно-процессуальном кодексе Федеративной Республики Германия, уголовно-процессуальном законодательстве США очень активно стали использоваться достижения биомедицины. Например, сейчас мы очень много говорим о ДНК-паспортизации. Как только стало очевидным, что ДНК – это тот след, который невозможно ни вытравить, ни деть никуда, то в законодательстве Соединенных Штатов Америки появился принцип объективного вменения: если появились данные о том, что на месте преступления есть ДНК такого-то конкретного

человека, то это является неоспоримым доказательством, что этот человек по крайней мере присутствовал в момент преступления. И это доказательство даже судом присяжных не оценивается (оно просто как постулат должно быть) и вносится автоматически в мотивировочную часть решения по таким делам.

Конечно, здесь тоже очень много споров, я знаю, я слежу за этой темой. В Верховном суде Соединенных Штатов Америки сейчас рассматривается дело Донта Пейджа. Если вы посмотрите, там просто огромные копыя сломаны вокруг этого дела. Почему? Потому что масса вопросов возникает. Многие говорят: "Как так? Ну и что, что нашли его ДНК?" Но американская система уголовного правосудия говорит: нет, раз там его ДНК нашли, значит, он является автоматически виновным в совершении данного преступления. И о правах человека, поверьте, здесь очень мало кто говорит и вспоминает.

ИЗ ЗАЛА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.) ...отпечатки пальцев, как у нас это бывает...

Г.Б. РОМАНОВСКИЙ

Я с Вами согласен, но в то же время не надо... У нас тоже получается... Мы говорим о том, что получается опять объективное вменение в сторону следствия. У нас во всем виноват следователь. Ему больше делать нечего, как подкидывать доказательства, как подкидывать отпечатки пальцев и так далее. Мы не говорим о том, что, может быть, это, наоборот, приводит в том числе к таким отрицательным моментам. Я точно так же могу вам о других моментах рассказать из следственной практики, когда наоборот...

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Георгий Борисович... *(Оживление в зале.)*

Г.Б. РОМАНОВСКИЙ

Спасибо за внимание.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо большое.

Но вы вспомните, пожалуйста, дело Стросс-Кана. Когда исследовали, сколько было всего интересного потом! Вот вам политика и правосудие.

Светлана Ивановна Вершинина, директор Института права Тольяттинского государственного университета.

С.И. ВЕРШИНИНА

Спасибо за предоставленную возможность.

Я хочу остановиться на отдельных моментах и вернуть нас все-таки к науке, раз уж мы собрались здесь именно с представителями науки, а я себя отношу к этому сообществу. Я бы хотела остановиться на некоторых аспектах механизма уголовно-процессуального регулирования и правоприменения.

Почему для меня эта тема интересна? Потому что, говоря об ошибках законодателя и об ошибках, которые совершаются в правоприменительной деятельности, я вижу то общее, что объединяет эти две сферы, — это те нормы, которые создаются законодателем и которые непосредственно применяются следователем, судом, прокурором в уголовно-процессуальной деятельности. На первый взгляд норма права — это то, что мы начинаем изучать с первого курса юридического института. Но дело в том, что на сегодняшний день нет общего понимания, что же такое норма уголовно-процессуального права и в целом норма права. И, на мой взгляд, большинство ошибок, которые совершаются в правоприменительной деятельности, обусловлены как раз

несовершенством законодательства, а именно непониманием, что же такое норма права.

Если вспомнить общепризнанную трактовку, то мы исходим из того, что норма содержит три элемента. И когда я непосредственно стала заниматься исследованием этого вопроса в рамках института уголовно-процессуального принуждения, то первый вывод, к которому я пришла, — что следователь применяет нормы права достаточно своеобразно, когда принимает решение о применении тех или иных мер процессуального принуждения. Он применяет не столько норму права, сколько применяет меру принуждения, меру пресечения. Объясню почему. Потому что, исходя из традиционного понимания, норма права содержит меру принуждения только в санкции, поэтому следователь применяет только санкцию.

В итоге, на мой взгляд, существует все-таки не одна норма, а несколько видов уголовно-процессуальных норм. И тот механизм уголовно-процессуального регулирования, который использует законодатель, исходя из однотипного, однородного понимания нормы права, несовершенен, потому что даже в рамках института процессуального принуждения выделяется несколько разновидностей уголовно-процессуальных норм.

Разработав такие модели, правовые модели, я их применила к главам 12, 13, 14 Уголовно-процессуального кодекса. И при таком подходе достаточно очевидны те погрешности, которые есть сегодня уже в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. К примеру, структура нормы. Если у нас применяется задержание, то понятно, что должны быть основания. И вроде как они есть, статья 91 содержит перечень оснований задержания. Но эти основания никак не связаны с тем должностным лицом, которое

ведет предварительное расследование и уполномочено на применение задержания. Следователь не может применить задержание на основании, например, пункта 1, когда лицо застигнуто на месте совершения преступления. Это достаточно известная проблема, и вроде как законодатель попытался ее решить – ввел фактическое задержание. Но, на мой взгляд, это еще больше усугубило проблему, потому что мы тем самым допустили фактическое задержание вместо правового задержания. Что такое задержание? Ограничение прав, конституционных прав человека. А мы говорим, что мы не проводим правовую регламентацию этого действия, мы допускаем фактическое задержание (я понимаю, что оно входит в процессуальное и так далее). Но, на мой взгляд, такая недосказанность в этом вопросе не столько создает проблемы следователю, сколько создает проблемы и ставит под удар сотрудников полиции, которые непосредственно обеспечивают это задержание. И очень отрадно, что уже есть хорошие научные работы, где объясняется, что необходимо вводить новый, дополнительный вид полицейского задержания, регламентировать на уровне закона. Это не исключает наличия процессуального задержания, но его основания и его порядок несколько иные.

Также, примеряя ту модель норм права, которая разработана в рамках моего научного исследования, видны погрешности в институте мер пресечения. Если брать последний законопроект, касающийся мер пресечения (это запрет определенных действий), который прошел первое чтение в Госдуме, то, на мой взгляд, уже в этом законопроекте есть ряд дефектов, которые сделают неприменимой эту новую меру пресечения.

Что такое запрет определенных действий? Фактически это новая мера, которая встает на место домашнего ареста. А домашний

арест на сегодняшний день – это не мера пресечения, выполняющая или соответствующая своей сущности (ведь арест – это изоляция), а это мера пресечения, которая выражается именно в запрете определенных действий. Так вот, надо не вводить новые меры, а просто критически оценивать содержание тех мер пресечения, которые есть.

И такие примеры рассмотрения или анализа мер принуждения, которые сделаны в формате нормы, которая имеет соответствующую структуру, соответствующее содержание, в принципе можно приводить по каждой мере принуждения. Но эти вопросы касаются не только мер принуждения, применяемых в отношении обвиняемого, подозреваемого. Аналогичная ситуация и по другим участникам. Если вспомнить, Европейский суд по правам человека уже высказал свое отношение об отсутствии надлежащего правового регулирования в отношении лиц, подлежащих выдаче, когда мы применяем к ним заключение под стражу на основании общих норм. Конечно, неправильно, потому что смена участников правоотношений, соответственно, вызывает смену оснований и условий применения мер принуждения. Но это все заранее заложено в структуру нормы права.

Поэтому я очень хотела сказать здесь то, что мы никогда не исправим наши ошибки, если не будем руководствоваться фундаментальными основами правового регулирования, в первую очередь в рамках уголовного судопроизводства – это основы уголовно-процессуального регулирования. До тех пор пока и законодатель, и правоприменитель не будут понимать, что такое норма, что создает законодатель, мы будем получать вот такую дефектную практику и ошибки в судебной деятельности. Спасибо.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Светлана Ивановна.

Владимир Ильич Руднев, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России.

В.И. РУДНЕВ

Уважаемые коллеги! Я хотел бы тезисно обозначить некоторые проблемы, которые существуют в настоящее время. Прежде всего у нас продолжает оставаться высоким количество лиц, содержащихся под стражей. И, я думаю, если мы возьмем статью 109 УПК, где предусматривается продление срока содержания под стражей с двух месяцев до шести месяцев сразу же, это, наверное, не очень оптимально. Если мы обратимся к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, то увидим, что он предусматривал продление срока содержания под стражей с двух месяцев до трех, но не сразу же с двух месяцев до шести, как это сейчас происходит, когда обвиняемый длительное время содержится под стражей и к нему очень редко может приходиться следователь. И в то же время возьмем, когда дело рассматривается в суде, – продление срока содержания под стражей предусмотрено не более чем на три месяца, хотя мы могли бы предусмотреть при рассмотрении дела в суде продление срока содержания под стражей, может быть, не более чем на два месяца, один месяц и так далее. Но это приводит к тому, что длительное время лица содержатся под стражей. И, когда они содержатся под стражей в период судебного разбирательства, у нас нет предельных сроков, и люди по пять, шесть, семь лет находятся под стражей. Этот вопрос мы до сих пор не решили. Это вопиющая проблема.

Если мы обратимся к законодательству иностранных государств, например, в Польше общий срок содержания под

стражей установлен два года и не может превышать суммарно срок предварительного содержания под стражей, а когда лицо находится под стражей в период и предварительного расследования, и судебного разбирательства, срок не может превышать два года.

Конечно же, большое достижение – то, что в УПК было воплощено положение Конституции 1993 года, которого мы ждали девять лет, о том, что арест и заключение под стражу допускаются только по судебному решению. И сейчас, к сожалению, есть предложение уполномоченного по правам предпринимателей, который считает, что необходимо вернуть прежний порядок, чтобы прокурор принимал решение о заключении под стражу. Вот это как раз ключевой вопрос, касающийся роли прокуратуры в рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Ведь сколько угодно случаев, когда прокурор в судебном заседании возражает против избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, но суд все равно принимает решение о заключении под стражу.

Какие у нас здесь позиция и роль прокурора по отношению к следователю и дознавателю? Ведь прокурор не даст возможности дознавателю явиться в суд с мерой пресечения в виде заключения под стражу. У него есть полномочие запретить дознавателю обращаться в суд с мерой пресечения в виде заключения под стражу. Но такого полномочия в отношении следователя у прокурора не имеется. И, конечно же, проблема полномочий прокурора, связанных с реализацией им функций в суде при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, должна быть решена.

К нам недавно пришел проект закона. Что касается домашнего ареста, Министерство юстиции предлагает исключить

часть 12 из статьи 107 ("Домашний арест"), где говорится о том, что лицо, которое находится под домашним арестом, доставляется в суд, к дознавателю, следователю транспортным средством контролирующего органа. И они предлагают эту норму исключить, считают, что в районах Крайнего Севера, других регионах, где человек доставляется самолетом, Федеральная служба исполнения наказаний этим заниматься не должна. Конечно, мы не можем допустить, чтобы человек, который находится под домашним арестом, сам, своими силами добирался в орган предварительного расследования, к дознавателю, в суд.

Может быть, к этому делу, связанному с доставлением лица, которое содержится под домашним арестом, привлечь Федеральную службу судебных приставов? Во всяком случае, мы должны принимать, реализовывать альтернативные меры, чтобы были действительно усовершенствованы мера пресечения в виде домашнего ареста и другие меры пресечения.

Уважаемые коллеги! Мне кажется, что судебная реформа, о которой было постановление Верховного Совета РСФСР в 1991 году, не закончилась.

Я считаю, один из главных вопросов — это вопрос о следственных судьях, который поднимался, поднимается и до сих пор не решен. Этот вопрос является актуальным и злободневным, тем более что в половине наших бывших союзных республик этот институт введен. Мы можем считать, что следственный судья даст определенный толчок в плане расследования преступлений, в защите прав потерпевших и в защите прав обвиняемых. Тем более что следственный судья — это судья, который повысит качество предварительного расследования, и у него появятся новые функции, которые, например, выполняет дежурный судья. Когда дежурный

судья заключает под стражу человека не разобравшись... Даже дежурные судьи, которые рассматривают гражданские дела, принимают решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Уважаемые коллеги! Я думаю, что мы должны вернуться к вопросу о следственном судье. Возможно, необходимо принять законодательный акт и в форме эксперимента в некоторых регионах страны ввести должность следственного судьи (или по-другому его назвать – судьей по контролю за предварительным расследованием и так далее). Потому что, по существу, у нас деятельность судьи принижается. Судья (извините, я могу пафосно сказать) изгоняется из уголовного судопроизводства. У нас исключаются полномочия судьи. Была часть 4 статьи 110, сейчас ее исключили. Увеличивается особый порядок и так далее. Роль судьи принижается. Конечно же, мы с этим не можем согласиться и должны принимать определенные меры, чтобы действительно судья был приближен в первую очередь к предварительному расследованию. Спасибо.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо большое.

Галина Яковлевна Борисевич, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета.

Г.Я. БОРИСЕВИЧ

Конечно, уголовно-процессуальное законодательство должно и будет совершенствоваться. И в связи с этим я хотела бы привлечь внимание специалистов к тому, что в настоящее время в Российской Федерации идет нормативное сближение гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства. Я бы хотела сказать, что достаточно актуальной в России является

проблема нормативного сближения не только этих двух отраслей, но еще и уголовно-процессуального права, оговариваясь, применительно к межотраслевым институтам, которых, конечно, в процессуальном праве Российской Федерации очень много. Это и доказывание, это и процессуальные сроки, процессуальные издержки, это преюдиция, это контрольно-проверочные стадии.

Для чего необходимо нормативное сближение всех видов судопроизводства применительно к межотраслевым институтам? В России существует единая национальная система, и поэтому необходимо стремиться к единству судебной практики, к единообразию, к одинаковому уровню защиты прав и законных интересов личности, реализации конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом. Вот каковы цели такого нормативного сближения. А такого сближения, к сожалению, пока не наблюдается. И я хотела бы вам представить аргументы применительно к таким межотраслевым институтам, как апелляционное, кассационное и надзорное производство, то есть продемонстрировать хотя бы несколько иллюстраций, откуда можно понять, что, к сожалению, уголовно-процессуальное регулирование в области межотраслевых институтов отстает от регулирования в области гражданского и арбитражного процессов, и даже административного судопроизводства.

Первая позиция – это право апелляционного, кассационного и надзорного обжалования решений. Скажем, во всех трех процессуальных кодексах – АПК, ГПК и КАС – достаточно четко закреплены и предусмотрены субъекты, имеющие право обжаловать судебное решение в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. И только в Уголовно-процессуальном кодексе предусмотрена половина субъектов, располагающих таким

правомочием (они разъяснены в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященных апелляционному и кассационному производству). Это неправильно, потому что нарушаются права и законные интересы граждан. То есть лица не видят в кодексе своих прав и, естественно, должны обращаться за каким-то дополнительным разъяснением. Необходимо именно в УПК закрепить весь перечень субъектов, которые обладают таким правомочием.

Или давайте возьмем следующую позицию – это сроки апелляционного, кассационного и надзорного обжалования. Надо сказать, что законодатели в области гражданского судопроизводства, арбитражного судопроизводства, осуществляя эту кардинальную реформу, начавшуюся с 2010 года, касающуюся контрольно-проверочных стадий, хорошо продумали то, что надо увеличить срок апелляционного обжалования, и от существующего 10-дневного срока обжалования судебных решений в апелляционном порядке в гражданском процессе перешли к месяцу, так, как это имеет место и закреплено в Арбитражном процессуальном кодексе. Наш законодатель в уголовном процессе, очевидно, автоматически перенес эту цифру – 10 суток. Ну а когда же в условиях реализации новой апелляции написать обдуманную, обоснованную жалобу и надеяться на то, что суд в апелляционном порядке действительно проверит законность, обоснованность и справедливость судебного решения, не вступившего в законную силу? Надо было этот срок увеличить хоть на несколько суток – ну, до 14–15 суток. Но мне известно, что теперь уже Верховный Суд Российской Федерации вышел с инициативой в Госдуму относительно того, что правда с 10 суток этот срок надо увеличить хотя бы еще на пять суток.

В общем, тоже не обнаруживается, к великому сожалению, продуманного и тщательного подхода в сроках обжалования в кассационном порядке. Скажем, законодатель в сфере уголовного судопроизводства почему-то предусмотрел в 2010 году год кассационного обжалования. Вдруг в 2014 году он вообще изымает этот срок из законодательного регулирования.

Теперь давайте возьмем следующую позицию – исчерпывание всех средств, для того чтобы обжаловать дело в кассационном порядке. Ныне во всех трех формах судопроизводства предусмотрен до кассации пересмотр дела в апелляционном порядке, и только в уголовном процессе такого новшества нет, и это в том виде судопроизводства, где защищаются публичные интересы. Почему в уголовном судопроизводстве не может быть предусмотрено такой гарантии? Если это объясняется только бюджетными соображениями, то очень жаль. Это есть умаление, так сказать, уровня защиты прав и законных интересов личности.

То же самое касается оснований для отмены, изменения решений в апелляционном порядке, да и в кассационном порядке также, во всех формах судопроизводства. Во всех формах судопроизводства есть такие основания, скажем, как неполное установление судом обстоятельств, неправильное определение судом обстоятельств, недоказанность установленных судом обстоятельств. И только в уголовном процессе таких оснований нет.

Давайте возьмем кассацию. В арбитражных судах существует смешанная кассация, то есть основание для отмены и изменения судебных решений не только по безусловным нарушениям, но и по условным нарушениям, но, скажем так, в трех формах судопроизводства действует чистая кассация, в арбитражных судах округов действует смешанная кассация. Это тоже говорит о том, что

граждане имеют бóльшую возможность защиты их прав и законных интересов.

И, наконец, последнее — то, что касается этапов кассационного судопроизводства. В настоящее время во всех формах судопроизводства, за исключением арбитражных судов округов, существуют, как известно, два этапа кассационного производства. На первом этапе судья единолично решает вопрос о том, вообще приемлема ли, так сказать, эта жалоба и можно ли ее рассматривать судом в судебном заседании. Только в арбитражных судах округов этот вопрос сразу после фильтрации относительно формальных требований решается коллегиально. Во всех остальных формах судопроизводства судья сам решает вопрос о критерии существенности нарушения.

Все это в итоге ведет к тому, что понижается уровень защиты прав граждан в разных формах судопроизводства, а это неправильно.

И еще... Отсутствие согласия между законодателями во всех отраслях процессуального права ведет к тому, что, к сожалению, отстает в регулировании уголовно-процессуальное законодательство, потому что законодатель, увы, не заимствует и не внедряет в законодательство те нормы, которые уже есть, которые уже давно существуют в гражданском, арбитражном процессах, ну и на сегодняшний день в административном судопроизводстве. Спасибо. Я прошу прощения за то, что превысила время, отведенное для выступления.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Галина Яковлевна.

Я хотел посоветоваться. У нас еще записались три человека. Мы можем их выслушать, попросив все-таки уложиться в регламент,

и тогда подводить итоги. Я не возражаю против этого. У вас нет возражений? Нет. Давайте тогда послушаем.

Нина Алексеевна Дудко, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета.

Н.А. ДУДКО

Уважаемые коллеги! Тема моего выступления – "Суд присяжных: итоги деятельности и перспективы развития". Суд присяжных всегда был в центре дискуссий ученых, практиков. Но начиная с 2014 года он стал особенно актуальным, поскольку выявились серьезные проблемы с реализацией права обвиняемых на суд присяжных, а это очень важное конституционное право в том числе – право на законный состав суда. В результате за 15 лет применения УПК возникла необходимость обратиться, очевидно, вновь к практике мониторинга применения УПК, но, в частности, в отношении суда присяжных. И в этом плане я бы обозначила две основные проблемы, которые действительно требуют законодательного разрешения. Первая – это подсудность уголовных дел суду присяжных, поскольку начиная с 1 августа 2013 года перечень дел, которые подсудны краевому (областному) суду, а значит, и суду присяжных, значительно сократился. В цифрах это выглядит следующим образом: до 1 августа 2013 года суду присяжных было подсудно 79 составов преступлений, а соответственно после сокращения законодательного – только 30, 49 составов были переданы частично в военные суды, но в основном в районные суды. Но это была не реорганизация суда присяжных, это была задача совершенствования апелляционного производства, ну а попутно в результате это коснулось и выявило большую проблему применительно к суду присяжных.

Кроме этого перечня 49, оказалось заложено в пункт 1 части 3 статьи 31 изменением 2013 года такое своеобразное скрытое сокращение подсудности суду присяжных, поскольку еще по 12 составам, где предусмотрены смертная казнь и пожизненное лишение свободы в разных сочетаниях, предусмотрена была по тем обвиняемым, которым не может быть назначена смертная казнь или пожизненное лишение свободы, передача в районные суды. И это оказалось серьезной проблемой на практике и на сегодня, и это останется проблемой, безусловно, с введением суда присяжных в районных судах. И получилось, что в 2014, 2015 и 2016 годах этот вопрос — о подсудности дел суду присяжных — оказался активно обсуждаемым на уровне и Президента, и Федерального Собрания, и Конституционного Суда (целых пять постановлений Конституционного Суда по этому поводу), и, конечно же, Верховного Суда. В результате, очевидно, просто насущно требуются, реализуя правовую позицию Конституционного Суда как минимум в четырех его постановлениях в отношении женщин и мужчин старше 65 лет, которым не может быть назначена смертная казнь или пожизненное лишение свободы, реализация вот этого положения и внесение изменений в перечень дел, подсудных краевому (областному) суду, а равно и суду присяжных. Причем этот перечень должен быть наиболее рационально сформулирован, без таких обтекаемых критериев подсудности, как тем, кому не может быть назначено... Это должен быть очень четкий перечень составов преступлений. В результате это важно и для краевого суда, и для районного с 2018 года. Однако этот перечень тоже требует очень тщательного подхода и мониторинга. Речь идет, например, об умышленных убийствах при отягчающих обстоятельствах, которые бóльшую часть дел составляют в краевых (областных) судах, и они-то

как раз передаются в районные суды в том числе. Но это не просто особо тяжкие, это еще сложные по обстоятельствам преступления, и вряд ли районные судьи профессионально более подготовлены к рассмотрению этой категории дел. Поэтому этот перечень требует существенной корректировки.

Кроме того, вопрос о создании суда присяжных в районных судах тоже требует дополнительных исследований, может быть, и законодательно, пока есть целый год для этих изменений, с точки зрения целесообразности введения суда присяжных в каждом районном суде. Я не очень ориентируюсь по многим регионам, но в Алтайском крае 66 районных судов, и не все они (прежде всего материально и технически) готовы к рассмотрению дел судами присяжных. Элементарно может быть проблема в достаточно большом количестве дел, с помещениями, которые требуются, как зал судебных заседаний, комната для совещания присяжных заседателей.

И, может быть, было бы целесообразным в связи с обсуждаемой реорганизацией системы судов общей юрисдикции, а именно созданием апелляционных, кассационных, проработать возможность создания межрайонных судов, которые были бы специализированы, может быть, только на суде присяжных, а может быть, и не только. Законодательная основа для этого уже есть. В законе о судах общей юрисдикции предусмотрена возможность создания межрайонных судов. В законе о присяжных заседателях уже с учетом последних изменений предусмотрена возможность создания не только районных списков (списков кандидатов в присяжные заседатели для каждого района), но и межрайонных, окружных списков. И, кроме того, может быть учтена практика Республики Казахстан, в которой с 2015 года с уровня областных (краевых) дела,

рассматриваемые судом присяжных, переданы именно на межрайонный, созданы межрайонные специализированные суды по уголовным делам.

Вот эти две проблемы, я вижу, требуют быстрее законодательного разрешения, поскольку 1 июня 2018 года достаточно быстро наступит. И в районных судах уже тревожатся судьи, в том числе Алтайского края, Алтайского краевого суда, насколько будет эффективным рассмотрение дел на районном уровне судом присяжных. Спасибо.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Нина Алексеевна.

Константин Владимирович Степанов, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета.

К.В. СТЕПАНОВ

Благодарю Вас за возможность выступить. Я буду предельно краток.

Я хотел бы обратить внимание на такую проблему, как проблема эффективности как в целом уголовного судопроизводства, так и отдельных процессуальных норм. Ведь на самом деле действительно разрабатывали проект УПК достаточно долго, спорили, наконец-то приняли, потом действительно, как обозначено в теме сегодняшних парламентских слушаний, провели мониторинг введения в действие Уголовно-процессуального кодекса. Но после этого что началось с Уголовно-процессуальным кодексом? Уголовно-процессуальный кодекс превратился на самом деле в "лоскутное одеяло". Уже обозначали тему "Роль защитника в уголовном судопроизводстве". Вспомните, как изменилась часть 2 статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса. Появились всего две буквы,

которые, по сути, перевернули, изменили роль защитника в уголовном судопроизводстве. И ведь именно с того времени защитник во многих уголовных делах просто превратился в предмет мебели, ну, в обязательный предмет мебели, потому что на столе тоже нужно писать, следователь пишет на столе, и также нужен защитник, просто для того, чтобы формально обеспечить участие защитника по каждому уголовному делу. Это перестало быть правом — иметь защитника. Ведь отказ от защитника стал необязательным для следователя, дознавателя и суда. И решение, будет ли защитник или не будет, стал принимать следователь (дознаватель), даже если подозреваемый (обвиняемый) отказался от этого.

На самом деле это всего лишь один из примеров, как стал меняться Уголовно-процессуальный кодекс. На мой взгляд, речь шла именно о таких изменениях, которые вносились под влиянием интересов различных групп, различных ведомств. И, говоря о необходимости системного подхода, на наш взгляд, необходимо учитывать при внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс именно эффективность каждой конкретной нормы, каждого конкретного института. А для этого мы должны обозначить прежде всего цель и назначение этого института, для чего он функционирует, и определять оптимальные способы достижения этой цели.

Говоря о статье 6 Уголовно-процессуального кодекса (ведь это же самая главная, важнейшая цель — назначение), мы говорим о том, что это то, ради чего уголовное судопроизводство существует. Но в то же время обратите внимание на ведомственные показатели. За что отчитывается каждое из ведомств, которые предоставляют важнейших участников уголовного судопроизводства? Они отчитываются вовсе не за защиту прав и законных интересов как

потерпевших, так и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, у них совершенно другие показатели. Поэтому здесь можно говорить о том, что никак не учитывается в требованиях, предъявляемых к ведомству, цель, стоящая перед всем уголовным судопроизводством.

Переходя к тому, что бы я хотел обозначить, я хотел бы обратить внимание на экономику уголовного судопроизводства, и здесь уже отдельные моменты сегодня озвучивались. Затраты, которые несут наши ведомства на заработную плату, заведомо зная, что результат будет негативный, на увеличенные тома уголовных дел. Я могу привести практику нашего университета, когда мы проводили повышение квалификации полицейских из Ирака, которые на самом деле в обморок падали, когда увидели целых три тома, как им казалось, уголовного дела. Когда им сказали, что это всего лишь обвинительное заключение, и причем небольшое, они еще больше удивились. Безусловно, Ирак не та страна, которую нам нужно брать в качестве примера, но стандартное уголовное дело не превышает 50–60 листов. Но ведь речь идет о том, что очень много усилий прилагается для подготовки уголовного дела к судебному разбирательству.

На наш взгляд, необходимо в данном случае учитывать так называемую микроэкономику уголовного дела. То есть речь идет не только о финансовых затратах, материальных затратах, речь должна идти о том, что эти затраты должны обеспечивать права участников уголовного судопроизводства. А ведь во многих случаях сотни томов уголовного дела собираются просто для количества. Не становятся более убедительными доводы стороны обвинения для рассмотрения уголовного дела по существу.

Учитывая, что очень мало времени, давайте я тогда попробую сформулировать те выводы...

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Самый главный вывод.

К.В. СТЕПАНОВ

Да. Собственно, что мы предлагаем? Мы с институтом уполномоченного по защите прав предпринимателей на территории Ростовской области пытаемся (почему пытаемся – сил не хватает, честно скажу) на протяжении уже полутора лет провести полноценные исследования, выработать критерии эффективности уголовного судопроизводства, критерии влияния правоохранительных органов на экономику региона. Ведь на самом деле вы видите, что не только экономика влияет на уголовное судопроизводство, но и уголовное судопроизводство влияет на экономику. Одно дело в отношении Ходорковского как повлияло на экономику Российской Федерации и продолжает влиять! Ведь появляются судебные решения, арестовывается имущество Российской Федерации. Я не говорю о том, что это решение несправедливо, я говорю о том, что нам необходимо учитывать это влияние. А, к сожалению, критериев эффективности уголовного судопроизводства, в том числе в сфере экономики, не выработали.

Я предлагаю назначение уголовного судопроизводства привести в соответствие с теми требованиями, которые предъявляют Министерство внутренних дел, прокуратура. То есть выработать те критерии оценки качества работы всех следователей, которые соответствуют именно назначению уголовного судопроизводства. Спасибо за внимание.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо большое.

И я попросил бы выступить Руслана Растямовича Салюкова, члена Общественной палаты России. И будем подводить итоги.

Р.Р. САЛЮКОВ

Уважаемый Алексей Иванович, уважаемые участники парламентских слушаний! Действительно, 15 лет назад вступил в действие на тот момент замечательный кодекс, поэтому хочется сказать огромное спасибо авторам от граждан, права которых стали более защищенными на предварительном следствии и в суде. Фактически с введением в действие Уголовно-процессуального кодекса закончилось время, когда на тот момент права подозреваемого, обвиняемого и защитника определялись душевной широтой следователя. Безусловно, за 15 прошедших лет большинство статей УПК заработало на 100 процентов, эффективно. При этом время показало, что некоторые статьи нуждаются в определенном совершенствовании.

Учитывая присутствие здесь уважаемых представителей законодательной власти, представителей юридического сообщества высокого уровня, мне, как члену Общественной палаты, хотелось бы воспользоваться этим случаем и обратить внимание на проблематику, которая поступает в форме обращений в Общественную палату, и поступает начиная с первого состава и по сегодняшний день.

Вот что для рядового гражданина наиболее важно на предварительном следствии, если не считать мнение профессионалов? Находится он под стражей или нет. То есть, наверное, мы уникальная страна в том, что некоторые наши граждане готовы признать вину, признаться в том, чего не совершали, лишь бы не оказаться под стражей. Это уникальность наша, и эта проблема до сих пор не решена. Поэтому хотелось бы, конечно, обратить внимание на избирательность применения статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса, которая, в частности, касается лиц, привлекаемых за совершение преступлений в сфере экономики.

Потому что если посмотреть вообще на текст статьи 108, то покажется, что эта проблема практически решена.

Но каких слов больше всего боятся наши предприниматели? Прошу прощения за сленг, мы все это знаем: "закрыть", "закрыли", "закроют". Они боятся не справедливого суда и даже не сурового наказания, они боятся, что без приговора суда годы проведут в следственных изоляторах. И надо сказать правду, что на сегодняшний день большое количество подобных лиц находится в следственных изоляторах. А это происходит, когда наша страна находится в тяжелой экономической ситуации, под международными санкциями, и когда, наоборот, мне кажется, необходимо продемонстрировать открытость России, ее инвестиционную привлекательность, показать, что Россия открыта для ведения честного бизнеса, что у нас больше предпринимателей не "закрывают". Поэтому я считаю, что решение данной проблемы окажет огромное положительное влияние на экономику, на имидж России в мировом предпринимательском сообществе и на пресловутую проблему вывода капитала. Суда никто из предпринимателей не боится, боятся сидеть без приговора годы.

Поэтому мне бы очень хотелось обратиться к нашим уважаемым законодателям, чтобы они все-таки обратили внимание на эту проблему и фактически реально лишили в рамках УПК возможности предварительное следствие и суд избирательно трактовать статью 108 по отношению к лицам, которые обвиняются в совершении экономических преступлений.

Поэтому я считаю, что это большая проблема, и, самое главное, безусловно, многие граждане страдают. Но именно в данном контексте эта проблема в случае обращения внимания

законодателя может быть решена, скажем так, достаточно простыми средствами.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо большое.

Будем заканчивать нашу работу. Я очень благодарен вам за активное участие. Может быть, еще кто-то хочет что-то сказать?

Вот сейчас прозвучал вопрос о длительном лишении свободы на предварительном следствии. На самом-то деле это имеет огромное значение. Человек по Конституции имеет право на защиту, а мы его, когда он не обвиняется в совершении какого-то тяжкого преступления против личности и не представляет никакой общественной опасности (и мы-то с вами знаем, что он никуда не убежит, никуда не денется), арестовываем, держим в течение длительного времени в условиях чрезвычайно тяжелых, я не хочу сказать, что в условиях пыток, но в очень плохих условиях в следственной тюрьме.

Я в свое время предлагал такое правило: если у начальника тюрьмы в следственном изоляторе 100 мест, а он принимает туда 101-го, то 102-м становится он сам. Меня не поддержали, а доводы были такие: "А куда мы его денем? А что нам делать?" А куда хотите — в гостиницу, к себе домой, к себе в кабинет... Либо решайте, кого вы арестовываете, а кого нет крайней необходимости арестовывать. Это же тоже политика, это отношение власти к решению вопроса.

РЕПЛИКА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Это не политика, это глупость судей, нежелание это делать.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

И пусть тогда решает этот вопрос человек, который может у себя, курируя следственные изоляторы... Стройте тюрьмы. Давайте построим их в 10 раз больше, если так необходимы следственные тюрьмы. Но, во всяком случае, что-то должно быть другое.

И вот только представьте себе положение этого арестованного, который формально имеет право на защиту, а в условиях следственной тюрьмы у него нет возможности (вы знаете эти условия) готовиться к процессу, изучать законодательство (бумага, копии, документы...), он сидит там довольно долго, неоправданно, без участия в следственных действиях, а потом в день суда его в 5 часов поднимают, привозят в соответствующих условиях в соответствующие условия суда, потом он там проводит несколько часов, потом его выводят в зал, сажают в клетку железную, которой, кстати говоря, мы сравнительно недавно стали пользоваться в нашем уголовном процессе (и, кстати, не всегда оправданно), и говорят: защищайся.

Поэтому все это, конечно, требует повышенного внимания.

Вот мы иногда осуждаем УПК 1961 года. А ведь, вы знаете, его писали люди, все время имея перед глазами 1937 год. И вот в тех условиях еще всесильных КГБ, коммунистической партии и так далее был написан УПК, который по сравнению с предыдущими этапами развития нашего уголовного процесса давал человеку очень серьезные гарантии и надежду на какую-то справедливость. Кстати говоря, в основе нашего уголовного процесса все-таки должно быть больше справедливости, законности, истинности, правды, совести — всего того, что соответствует нашей, российской, русской правовой культуре, истории и цивилизации. Вот мы об этом не всегда думаем, а это очень важно. И мне кажется, что (как один из известных юристов писал, что без общих вопросов частных не решить) нам,

конечно, надо больше внимания уделять принципам, основам. Нельзя построить дом без фундамента. И, мне кажется, те ошибки, которые мы допускали и сегодня... В общем-то, по существу, мы о них не говорим, в этом дворце законодательства не принято говорить об ошибках законодателя, мы говорим о судебных ошибках, о следственных ошибках, о других ошибках. Но то, что нам нужно... Пусть лучше мы здесь будем дольше готовить закон, чем примем плохой закон.

И я буду очень благодарен, если вы (не сегодня, ни сию минуту) дадите нам свои короткие предложения, короткие формулировки, а может быть, даже какие-то варианты законопроектов и поучаствуете в такой работе. Она очень полезная, интересная и крайне необходима. Потому что мы каждый день сталкиваемся с какими-то ошибками, несправедливостью, какими-то серьезными проблемами, и, конечно, хотелось бы их избегать. Это каждого человека касается, и каждый человек надеется на справедливость и законность, которые должны царствовать в наших судах, в наших следственных отделах, в нашей прокуратуре. И, мне кажется, вот эти божеские заповеди непосредственное отношение имеют к нашей работе. Спасибо большое всем за участие.

Да, пожалуйста.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Алексей Иванович, кафедра уголовного процесса и криминалистики Казанского федерального университета передает вам системные формулировки по изменению ряда законов, которые позволят, я думаю, выработать процессуальный механизм возмещения вреда потерпевшему.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо большое. Для нас это очень важно, потому что иногда, мы говорили сегодня, представители МВД говорят, что у них есть проблемы. А вы представьте текст, который был бы полезен для изменения закона. Вот это все было бы полезно в нашей работе.

Так что спасибо большое. Как говорят, до новых встреч!
